А. БУБНОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ПАРТИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

1928

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

А. БУБНОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ПАРТИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

СБОРНИК СТАТЕЙ

1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»
МОСКВА

5-я ТИПОГРАФИЯ
„ТРАНСПЕЧАТИ" НКПС
„ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО"
Москва, Южный пер., д. № 4.

Главлит № А5319. Тир. 10000

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем издании собраны три статьи: первая — «О гражданской войне 1918—1921 г.г.» (предисловие к трехтомнику, изд. «Военный Вестник»); вторая — «ВКП(б) и военное дело» (предисловие к сборнику с тем же названием, изд. Толмачевской Академией) и третья — «Четыре рубежа» — помещена в «Правде» в юбилейном октябрьском номере, в 1927 году.

Все эти статьи об'единены единством тем, относящихся к истории гражданской войны и истории военного строительства в СССР. Выпуск этого издания приурочивается к десятилетию Красной армии.

Автор.

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1918—1921 гг.[1]

Гражданская война в истории человечества — явление не новое, так как вся история до сих пор существующего общества была историей борьбы классов, а классовая борьба, обостряясь до своего наивысшего предела, превращалась в гражданскую войну.

Но если гражданская война в истории человеческого общества представляет из себя явление не новое, то гражданская война 1918 — 1921 гг. является событием гигантского всемирно-исторического значения.

Исключительное всемирно-историческое значение гражданская война 1918 — 1921 гг. приобретает, во-первых, потому, что Октябрьская революция и развившаяся из нее война 1918 — 21 годов начали новую эпоху всемирной истории — эпоху мировой пролетарской революции; во-вторых, потому, что она представляет из себя вооруженную борьбу рабочего класса и основной массы крестьянства против капитализма под руководством рабочего класса и его коммунистической партии; в-третьих, потому, что совершивший великий Октябрьский переворот рабочий класс создал новый тип государства — государство Советов, и, в-четвертых, потому, что рабочий класс в процессе гражданской войны против помещиков и капиталистов впервые в истории человеческого общества создал Красную армию, которая является орудием диктатуры пролетариата.

---

[1] Предисловие к трехтомному изданию «Гражданская война 1918—21 г.г.», под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана, изд. «Военн. Вестником» к десятилетию РККА.

Из цепи событий, начавшихся с Октябрьской революции 1917 г. и закончившихся ликвидацией политического бандитизма, растянувшейся до 1922 года, здесь берется только основное, «среднее», звено, а именно — война 1918 — 1921 г.г. Взаимную связанность и единство этому ряду вооруженных столкновений пролетариата с буржуазией придает то основное обстоятельство, что ряд военных кампаний, в общей совокупности составляющих войну 1918 — 1921 гг., носил характер классовых битв «организованного в государство» рабочего класса и финансово-капиталистической буржуазии Антанты, которая эту войну против Советской Республики подготовляла и вела.

В конце июня 1918 года Ленин говорил, что «в России свергнутые эксплоататорские классы помещиков и капиталистов делают все усилия, напрягают все силы к тому, чтобы снова и снова попытаться вернуть себе власть». В июле того же года он, говоря о положении Советской Республики, в таких словах характеризовал это контрреволюционное наступление «свергнутых эксплоататорских классов».—«Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе гг. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям». И тут же он добавлял: «Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война — не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые об'единились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм». В конце этой речи Ленин снова повторял: «Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну».

В силу этого обстоятельства в указанные рамки не входят боевые эпизоды Октябрьской революции, военные столкновения Брестского периода, связанные с наступле-

нием австро-германского империализма и проявлением политического бандитизма, бывшего ничем иным, как «охвостьем» гражданской войны 1918 — 1921 гг., хотя в нашем издании и эти исторические события нашли свое отражение.

Октябрьская революция была периодом непосредственной вооруженной борьбы пролетариата против капитализма, закончившейся свержением правительства империалистической буржуазии и завоеванием власти рабочим классом. В апреле 1918 года Ленин этот исторический период характеризовал, как «первую эпоху развития революции, начало которой идет с Октябрьских дней».

За этой «первой эпохой» следует Брестский период, в течение которого, как указывал Ленин, «от сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам».

Войны с наступавшим на нас германским империализмом мы избегли, ибо пошли на тягчайший для нас Брестский мир.

«Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь, — говорил Ленин, — а потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником».

Таким образом, Октябрьская революция и Брестский период по указанным выше причинам должны быть поставлены вне рамок той гражданской войны, которая служит предметом изучения в нашем издании. Но это не означает, что Октябрьская революция и Брестский период отделены стеной от гражданской войны 1918 — 1921 гг., — наоборот, все эти исторические события неразрывно связаны одно с другим.

Гражданская война 1918 — 1921 гг., в основном, едина (в указанном выше смысле), но это ни в коем случае не значит, что все военные кампании, ее составляющие, вполне и безусловно однородны.

В этой войне особое место занимала война с Польшей.

В начале войны Ленин говорил, что польская война «является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию» и что «в этом отношении связь между этим нападением и прежними попытками международной буржуазии безусловно есть». Ту же мысль он высказывал и в конце польской войны, говоря, что «главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была, конечно, сила капитала международного, и в первую голову французского» и что «в сущности и Польша, и Врангель, это две руки французских империалистов».

В то же время Ленин отмечал и «громадную разницу» между прежними попытками антантовской буржуазии раздавить советскую власть и этой «последней» попыткой.

«Война с Польшей, — говорил Ленин, — оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны».

И далее он указывал: «Война против Юденича, Колчака и Деникина была тоже война против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России. И когда она окончилась победой, и когда мы разбили Юденича, Колчака и Деникина, то это не было прямое наступление на Версальский мир. С Польшей вышло наоборот, и в этом—отличие войны против Польши, в этом—международное значение Польши».

В этой же своей речи (на с'езде рабочих и служащих кожевенного производства — 8 октября 1920 г.) он еще раз подчеркивал, что «побеждая Юденича, Колчака и Деникина, мы не могли разорвать Версальского мира», «а наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений».

Особое место в войне 1918 — 1921 гг. занимает и кронштадтский эпизод. С одной стороны, он является последним военным эпизодом этой войны, а с другой стороны, он начинает собой целый период политического бандитизма, который не может быть включен непосредственно в рамки этой войны, так как он имел место уже в период нэпа.

Таким образом, за нашим наступлением в Октябре последовало контр-наступление на нас «отечественных» помещиков и капиталистов, затем наступление на нас австрогерманского империализма, в отношении РСФСР прекращенное Брестским миром, и, наконец, длительное наступление, целый «поход» против нас англо-французского империализма, лакеями которого были помещики и буржуазия бывшей царской империи, а участие, в котором принимала буржуазия почти всех соседних государств (Черчилль в свое время хвастал даже походом против нас «четырнадцати народов»).

В нашем издании мы рассматриваем, главным образом, основное звено этой непрерывной цепи — гражданскую войну 1918 — 1921 гг.

«Гражданская война, — писал Ленин, — есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаяясь, расширяясь, заостряясь, доходил до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса».

Гражданская война 1918 — 1921 гг. повторяет, расширяет и заостряет классовые битвы первой революции 1905 года, февральской революции 1917 года, предоктябрьского периода и великой Октябрьской революции.

Буржуазная революция в России могла победить и действительно победила только при одном условии, — именно при условии установления революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. В силу этого не буржуазия, а рабочий класс и поддерживающее его крестьянство могли обеспечить победоносный исход революции 1905 года.

«Исход нашей революции, — писал Ленин, — действительно, зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьян-

ством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы».

Революция 1905 года дает грандиозную картину экономической борьбы рабочего класса, перерастания экономических стачек в политические, перерастания всеобщей политической стачки в вооруженное восстание, громадную волну военных частичных восстаний и громадную волну крестьянского движения, выливающегося в форме крестьянских частичных восстаний. Стачечное движение в годы первой революции выражалось в следующих цифрах: в 1905 г. бастовало 2.863.173 рабочих, а в 1906 г.—1.108.406 рабочих.

Нарастание крестьянской революции нашло себе выражение в двух громадных волнах крестьянских выступлений, представлявших единый революционный поток. Первая из них имела место в 1905 г., а вторая—в 1906 году. Рост крестьянского движения в 1905 году выражался в следующих цифрах: число уездов, охваченных движением, составляло за январь—апрель 85, за май—август—104 и за сентябрь—декабрь—261, что дает для последней трети года (момент наивысшего под'ема движения) 52% к общему числу уездов Европейской России.

Подобный же рост крестьянского движения в 1906 году нашел свое выражение в следующих цифрах: число уездов, охваченных движением, составляло: за январь — апрель—21, за май—август—250 и за сентябрь—декабрь—72, что для второй трети года (момент наивысшего под'ема движения) дает 50% к общему числу уездов. Таким образом, волна крестьянского движения в своем наивысшем пункте как в 1905, так и в 1906 годах охватывает половину общего числа уездов Европейской России. Рост революционных военных выступлений наглядно показывают две цифры: в апреле—июне 1905 г. их было всего 2, а в октябре—декабре—89.

В условиях этого массового революционного движения, нередко доходившего до острейших форм гражданской войны, наша партия развернула большую работу по орга-

низации вооруженных сил революции (боевые дружины). Эта работа охватывала и организацию вооруженных сил, и технику вооруженных сил, и тактику вооруженных сил.

Гражданская война 1918 — 1921 гг. воспроизводила не только массовое движение основных классовых сил, двигавших революцию 1905 года, но, в известной степени, и базировалась на том боевом опыте, который был приобретен нашей партией в период первой Российской революции.

Февральская революция 1917 года, в иной международной обстановке, на иной экономической базе и при иных соотношениях классовых сил страны, повторяла и расширяла гигантские классовые столкновения революции 1905 — 07 гг.

«Без революции 1905 — 07 годов, без контр-революции 1907 — 14 годов, — писал Ленин, — невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 г. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия».

Та исключительная быстрота, с которой рухнула царская монархия в феврале 1917 года, обусловливалась тем, как отмечал Ленин, что «в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления», но свергли царизм революционные рабочие и солдаты. Рабочее движение нарастало на протяжении всех лет войны. В сентябре 1915 г. число стачечников достигает 114 тысяч, а в октябре 1916 г

доходит до цифры в 187 тысяч. Общее число стачечников в 1915 году равнялось 540 тыс., а в 1916 году оно поднялось до цифры 957 тысяч стачечников. На ряду с этим имели место и уличные рабочие демонстрации, — например, в Костроме в июне 1915 года и в Иваново-Вознесенске — в августе того же года. А одновременно с этим нарастало глухое брожение и в недрах царской армии, которое находило себе различные формы внешнего выражения.

В начале 1917 года рабочее движение продолжает нарастать: в январе бастовало 244 тыс., из них — 66,4% по политическим причинам, а в феврале — 432 тыс., из них по политическим причинам — 95,6%.

Февральская революция свергла царизм. «Революционные рабочие и солдаты, — писал Ленин, — разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по кон'юнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К°, желавших только смены одного монарха другим».

Это была борьба «за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистической бойни».

Предоктябрьский период дает опять-таки картину непрерывного нарастания революционного движения рабочих и крестьян, после июльских дней направленного против правительства «крепнущей бонапартистской контр-революции».

Массовое движение от Февраля к Октябрю шло через апрельские демонстрации, июльские дни, корниловщину, через нарастание революционного движения в деревне и армии и, наконец, через сентябрьские победы большевизма в Петрограде и Москве. И опять-таки мы видим непрерывное нарастание двух революционных потоков — движения рабочих и солдат в городах и движения крестьян в деревнях при руководящей роли во всем движении рабочего класса.

В силу этого в предоктябрьский период закладываются прочные предпосылки победоносного Октябрьского переворота.

Военный опыт нашей партии, приобретенный ею за годы первой революции, был повторен, приумножен и расширен в течение тех восьми месяцев, которые лежат между февралем и октябрем (Красная гвардия).

Гражданская война 1918 — 1921 гг., в новой обстановке и при новом соотношении классовых сил, воспроизводит тот опыт классовых столкновений и организации вооруженных сил революции, который был накоплен нашей партией и рабочим классом на протяжении от Февраля к Октябрю и, в особенности, за месяцы, лежащие после июльских дней, — между июлем и Октябрем.

Ленин, определяя причины победы Октябрьской революции, между прочим, указывал на то, что эта победа была обусловлена, во-первых, тем, что «отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков», и, во-вторых, тем, что мы имели такую «генеральную репетицию», как революция 1905 года. «Без такой генеральной репетиции, как в 1905 году, — писал Ленин, — революции в 1917 году, как буржуазная Февральская, так и пролетарская Октябрьская, были бы невозможны».

И здесь мы снова встречаемся с двумя потоками движения: с революционным движением рабочих — в городах и с революционным движением крестьян и солдат — в деревне и в армии. После июльских дней буржуазия нападает, — рабочий обороняется. После корниловщины движение рабочих в городах развертывается как наступательное движение против правительства Керенского. В предисловии к «Рабочему движению в 1917 году» мы читаем, что «Политическая борьба корниловских дней не прекращается с арестом Корнилова. Приобретая самые разнообразные формы в разных пролетарских слоях, она непосредственно входит составной частью в Октябрьский бой рабочего класса с буржуазией». Предисловие отмечает также, что «во всех предоктябрьских требованиях рабочих, борющихся за советскую власть, неразрывно переплетаются такие политические требования, как требование рабочего контроля, ограничение прибылей заводчиков,

национализация предприятий, борьба с локаутчиками, с такими, как передача земли крестьянам и требование мира. Рабочий, — подчеркивает предисловие, — выступает не только в роли борца за свои интересы, но и в роли вождя крестьянских и солдатских масс».

Армия, солдатские массы, измученные войной, добивавшиеся мира во что бы то ни стало, в сентябре — октябре «откалываются» от правительства, отказываются поддерживать «порядок», резко и окончательно поворачивают против правительства.

Движение в деревне дошло до крестьянского восстания. Предисловие к «Крестьянскому движению в 1917 году», на основании анализа обширного материала по крестьянскому движению того времени, отмечает, что «в сентябре и октябре аграрное движение поднимается на уровень крестьянской войны». В предисловии указывается, что число имений, охваченных движением, в сентябре выросло на 30,2% против августа, а в октябре снова поднялось еще на 43,2% в сравнении с сентябрем.

В своей речи в первую годовщину Октябрьской революции Ленин говорил: «Мы ограничивались в октябре тем, что старого векового врага крестьян, помещика-крепостника, собственника латифундий, смели сразу. Это была общекрестьянская борьба. Тут еще внутри крестьянства не было делений между пролетариатом, полупролетариатом, беднейшей частью крестьянства и буржуазией». А в четвертую годовщину Октябрьской революции он, рассматривая ту же тему, писал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию д о к о н ц а, как никто», и, развивая то же положение, подчеркивал: «Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей п р о л е т а р с к и - революционной социалистической работы».

Октябрьская революция продолжает, расширяет, обогащает и заостряет гигантский опыт массового движения рабочих и крестьян двух предшествующих буржуазных революций. Гражданская война 1918 — 1921 г.г. продол-

жает Октябрьскую революцию, но продолжает, поднимая ее на высшую ступень, делая борьбу широчайших масс еще более массовидной, еще более грандиозной, напряженной и обостренной, гигантски раздвигая рамки этой борьбы и еще более мощным потоком выходя на арену классовых столкновений международного масштаба.

Октябрьская революция 1917 года и гражданская война 1918 — 1921 г.г. неразрывно связаны одна с другой.

Октябрьская революция начала превращение империалистической войны в войну гражданскую.

«Первый раз за сотни и за тысячи лет, — писал Ленин, — рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратить эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций». И не только провозгласили этот великий лозунг, но и добились его осуществления.

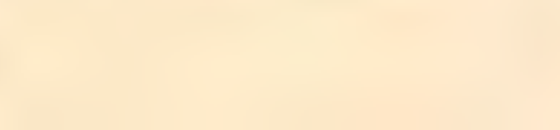
«Первый раз за сотни и за тысячи лет, — писал Ленин, — обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов против всех и всяческих рабовладельцев выполнено до конца и выполняется вопреки всем трудностям».

Если Октябрьская революция 1917 года начала это великое дело, то гражданская война 1918— 1921 г.г., через миллионы трудностей, довела его до конца.

Пролетарская Октябрьская революция дала образец перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарско-социалистическую. «Первая, — писал Ленин, — перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой».

Гражданская война, через борьбу и миллионы трудностей на протяжении трех лет, практически двигала вперед это «перерастание». И если Октябрьская революция 1917 года вступила на путь «перерастания одной революции в другую», то гражданская война 1918 — 1921 г.г. это дело расширяла и практически закрепляла.

Октябрьская революция была движением широчайших народных низов под руководством рабочего класса. Пре-

дисловие к «Крестьянскому движению в 1917 году» совершенно правильно замечает, что «только рабочий класс, нанеся решительный удар буржуазии в центрах страны, мог сделать победоносным крестьянское восстание».

В свое время Ленин указывал, что «судьба и исход русской революции» будут решены в зависимости от того, «удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и контр-революцией вообще».

Проблема руководства народным движением со стороны рабочего класса, проблема осуществления гегемонии пролетариата в ходе массовой революционной борьбы с помещиками и капиталистами за социализм была серьезнейшей проблемой пролетарского революционного движения. До Октября крестьянские массы, мелкобуржуазные массы вообще, неднократно колебались между пролетариатом и буржуазией. Те же колебания нашли свое отражение и в ходе Октябрьской революции, и те же самые колебания, только еще в более острой форме, наблюдали мы на протяжении всех трех лет гражданской войны.

В первые месяцы гражданской войны, «когда кулацкое восстание пробежало по всей России», — тогда «в деревнях повсюду поднялись трудовые, эксплоатируемые элементы, поднялись с пролетариатом городов», и этим самым, как подчеркивал Ленин, был сделан «первый и величайший шаг социалистической революции в деревне». И в своей речи на заседании VI Всероссийского с'езда советов, в день годовщины Октябрьской революции, Ленин говорил: «И тот, кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорит: Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 года».

Если Октябрьская революция 1917 года в практике движения воплотила гегемонию рабочего класса, то граждан-

ская война 1918 — 1921 гг. этот величайший принцип революционного движения неуклонно проводила в жизнь и этим обеспечивала себе неизменные победы.

Соотношение классовых сил, острота и размах борьбы, характер ее как в Октябрьской революции, так и в вытекшей из нее трехлетней гражданской войне—могут быть уяснены и поняты лишь при учете тех экономических и политических изменений, которые произошли в стране на протяжении предшествующего десятилетия, а также и того совершенно исключительного опыта классовой борьбы, который был приобретен широчайшими народными массами, — массами рабочего класса, в первую очередь, — за тот же, примерно, период времени.

За 1907 — 1914 гг. в области сельского хозяйства произошли крупные изменения. В основном они сводились к следующему: значительно продвинулась вперед ликвидация дворянского землевладения, в результате которой за семь лет, прошедших между 1906 и 1912 гг., из рук дворянства ушло свыше 12% всей площади дворянского землевладения, а к продаже было пред'явлено свыше 25% всех дворянских земель; одновременно с этим, в известной степени в результате столыпинского закона 9-го ноября, произошла мобилизация надельной земли и усиление сельской буржуазии, при углублении процесса обнищания крестьянских масс и росте резервной армии рабочих; при росте хлебных цен как за границей, так и на внутреннем рынке элементы капиталистического хозяйства развивались и крепли, и, как результат этого, помещик-крепостник отходил на второй план в экономике сельского хозяйства, а на первый план выдвигался помещик-капиталист.

За те же годы в промышленности вполне обозначилось и оформилось развитие финансового капитала, выразившееся в развитии капиталистических монополий, в росте трестирования и синдицирования, в сращивании и подчинении промышленности банковому капиталу и в возрастании связи и подчинения его европейским финансово-капиталистическим группам (при преобладающем значении англо-франко-бельгийского капитала). В качестве иллю-

2*

страции этого процесса можно привести следующие данные: в 1913 году на 6,5% всего крупных фабрик и заводов Европейской России (свыше 1.000 рабочих) было сосредоточено 44,6% общего количества рабочих; в том же году в металлургии банкам были подчинены акционерные общества, основной капитал которых составлял 87,9% всего металлургического капитала, а по отдельным отраслям железной промышленности это подчинение выражалось в таких цифрах: по доменному производству — 96,5%, по чугуну и железу — 55,2%, по железным рудам — 61,1%, по паровозостроению — 100%, по вагоностроению — 81,0% и по судостроению — 96,0%. В свою очередь, в крупнейших отраслях промышленности (в горной, металлургии, электрической и пр.), а также и в русских банках командующую роль играл иностранный, в первую очередь—антантовский капитал.

На ряду с этим происходил процесс консолидации промышленного пролетариата, который, — здесь оказывало свое влияние и аграрное столыпинское законодательство,— разрывал свои последние связи с землей и нищенским деревенским хозяйством.

Таким образом, происходило усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве и рост финансово-капиталистической буржуазии в промышленности и торговле.

Мировая война ускорила развитие этого процесса и еще более обострила классовые противоречия как в городе, так и в деревне.

На одном полюсе происходила консолидация всех капиталистических элементов под главенством финансово-капиталистической буржуазии, а на другом — революционный блок промышленного пролетариата с пролетариями и полупролетариями деревни.

Мировая война 1914 — 1918 гг., произведя гигантские разрушения производительных сил в Европе и усилив элементы государственно-монополистического капитализма, укрепила предпосылки социалистической революции, поставив ее как очередную задачу перед массами международного пролетариата.

Таковы были социально-экономические предпосылки, на основе которых развернулась Февральская революция и которые нашли свое отчетливое отражение как в классовой борьбе периода между Февралем и Октябрем, так и в ходе Октябрьской революции.

И если Октябрьская революция 1917 года отразила соотношение классов, сложившееся на основе тех перемен в экономике страны, которые имели место за 1907—1917 гг., то печать их лежит и на развитии гражданской войны 1918 — 1921 гг.

Ход и исход гражданской войны был бы непонятен, если бы ей не предшествовали классовые столкновения трех революций, а также и жесточайшие испытания для рабочих и крестьян в годы реакции и в годы мировой войны.

То, что говорил Ленин об опыте Февральской революции, целиком и полностью относится к опыту великого десятилетия — от первой революции 1905 года до Октябрьской революции 1917 года.

Значение этого опыта состоит в том, что он показал, — говоря словами Ленина, — «все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей».

Гражданская война 1918 — 1921 гг. унаследовала также исключительный по своему богатству и разнообразию опыт массовой борьбы. К нему вполне применимы слова Ленина, говорившего, что ни в одной стране «Не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения,—легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «по-

следнее слово» американского и европейского политического опыта».

Ход и исход гражданской войны зависел также и от того, что во главе рабочего класса и всех революционных сил, боровшихся против помещиков и капиталистов, стояла закаленная в боях и в великих политических испытаниях большевистская партия, при чем такая партия, которая свою борьбу и свое революционное руководство основывала на самой передовой и самой революционной теории.

«Марксизм, — писал Ленин, — как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Гражданская война 1918 — 1921 гг. велась «освободившими себя рабочими и крестьянами» и являлась «продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира». Она развернулась на территории, занимавшей шестую часть земного шара, и сочетала в себе военные действия регулярных армий, офицерско-кулацкие восстания в тылу и на фронте, белогвардейские заговоры, саботаж чиновников, а также и прямое вооруженное содействие, экономическую блокаду, шпионаж и самые разнообразные происки и интриги сильнейших групп мирового империализма, не останавливавшихся ни перед чем, чтобы раздавить республику Советов.

«Наша война, — писал Ленин, — является продолжением политики революции, политики свержения эксплоататоров, капиталистов и помещиков». И именно поэтому она и вызвала такое бешеное сопротивление всех эксплоататоров и такую исключительную настойчивость в намерении раздавить советское государство со стороны английских, французских, американских и японских капиталистов, которые не только оказали всестороннюю помощь генеральским армиям, кулацким восстаниям и офицерским загово-

рам, но и двинули свои собственные вооруженные отряды на территорию Советской Республики».

Когда Ленин на заседании ВЦИК'а 29 июля 1918 г. оценивал военное положение Советской республики, то, имея уже к тому времени мурманский десант, чехо-словацкий фронт, Туркестан, Баку и Астрахань, он подчеркивал, что «мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контр-революционным походом на Советскую Республику».

Ленин предвидел неизбежность гражданской войны, когда в феврале 1918 г. писал: «Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение советской власти». И тогда он уже тщательно анализировал и определял те основные предпосылки, которые сделают эту войну для нас, если можно так выразиться, «приемлемой». А в конце ноября 1919 года, после многочисленных побед на фронтах, Ленин указывал, что истекшие два года показали, «с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны укрепление советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия».

В марте 1920 года, в речи на Всероссийском с'езде трудовых казаков, Ленин, рассматривая вопрос о причинах нашей победы в гражданской войне, говорил так: «Мы одержали победу потому, что мы могли присоединить союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря».

В этих словах Лениным была дана законченная формулировка основных причин, обусловивших нашу победу в гражданской войне. Но к этому вопросу на протяжении всех лет гражданской войны Ленин возвращался неоднократно и со всей тщательностью устанавливал корни наших побед.

Мы победили потому, что в ходе гражданской войны завоевали и укрепили единство всех эксплоатируемых и угнетенных масс в нашей стране, завоевали «сочувствие и поддержку большинства рабочих и трудящихся крестьян» не только Сибири и Урала, но, в конце-концов, и Украины. Мы победили потому, что имели «крепкий тыл, что масса крестьян и рабочих, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли, и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи». Мы победили потому, что «трудящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству», победили потому, что «отняли у Антанты ее солдат». Мы победили потому, что в лагере империализма, который вел против нас войну, не было и не могло быть единства и согласия. Мы победили потому, что научились «защищаться» и создали рабоче-крестьянскую Красную армию, а также и потому, что «в организации Красной армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров». И, наконец, мы победили потому, что сумели установить «правильное соотношение между руководящей коммунистической партией, революционным классом — пролетариатом, и массой, т.-е. всей совокупности трудящихся и эксплоатируемых».

Великая трудность победы многократно обнаруживалась в ходе трехлетней гражданской войны, но с особенной наглядностью выяснилась она во время польской кампании.

Ленин неоднократно указывал, что гражданская война 1918 — 1921 гг. была «международной войной против Советской Республики». В польской войне это было обнаружено с особенной остротой, ибо, «наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту».

С точки зрения грядущих военных столкновений, опыт гражданской войны 1918 — 1921 гг. имеет исключительное значение, так как он вскрыл методы ведения классовой войны рабочих и крестьян против капитализма, а также установил всю совокупность тех условий, которых необхо-

димо добиться для того, чтобы обеспечить себе победу в гражданской войне между пролетариатом и буржуазией.

В теснейшей связи с изучением опыта гражданской войны стоит вопрос об организации вооруженных сил революции в ходе самой войны. В начале 1918 г. советское государство не имело армии, а в конце 1918 г. уже был заложен фундамент боеспособной Красной армии.

В начале марта 1918 г. Ленин говорил: «армии нет, удержать ее невозможно», а в день первой годовщины Октябрьской революции он имел уже возможность констатировать: «От этой беззащитности мы пришли к могучей Красной армии».

Задача организации вооруженных сил пролетариата, «организованного в государство», являлась труднейшей из задач, ибо «вопрос о строении Красной армии,—как указывал Ленин, — был совершенно новый, — он совершенно не ставился даже теоретически».

За первые полтора года существования советского государства была создана боеспособная Красная армия, и был решен ряд важнейших военно-организационных проблем, имевших крупнейшее политическое значение. Разрешение этой задачи было максимально облегчено тем, что налицо имелись как большие запасы вооружения, так и миллионные кадры обученных военному делу рабочих и крестьян.

В конце 1918 г. Ленин писал, что «новый общественный класс» не может укрепить своего господства «иначе, как постепенно вырабатывая в тяжелой гражданской войне новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса». И вот, в процессе создания этой «новой военной организации нового класса» и приходилось нашей партии решать ряд важнейших организационных проблем.

В своей речи на митинге в Петрограде в марте 1919 г. Ленин, между прочим, говорил: «Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых

капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей».

В той же речи он выдвигал и вопрос «о военных специалистах», давая ему (несколько позже, в другом месте) такую формулировку: «Задача соединить вооружение рабочих и крестьян с командованием бывших офицеров, которые большей частью сочувствуют помещикам и капиталистам, — есть труднейшая задача».

В Красной армии во время гражданской войны мы имели миллионы «деревенских людей» и «тонкую прослойку руководящего класса пролетариата». И при таком классовом составе армии, при таком количественном соотношении рабочих и крестьян в армии, необходимо было создать такую Красную армию, которая была бы могучим орудием диктатуры пролетариата.

В начале гражданской войны мы должны были строить Красную армию, не имея собственного военного опыта и имея многочисленные кадры старых военных специалистов, обладавших знанием военного дела и боевым опытом. При этом условии необходимо было, используя «военных специалистов», создать социалистическую Красную армию.

Разрешение этих задач целиком и полностью упиралось в необходимость обеспечения в армии руководящей роли коммунистической партии. И одновременно с этим обе эти политические задачи требовали разрешения ряда вопросов организационного порядка.

Ленин говорил, что «война есть не только продолжение политики, — она есть суммирование политики в этой неслыханно тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты».

В процессе гражданской войны и происходило «обучение политике» основных масс крестьянства. В этой борьбе за крестьянские массы, в борьбе за середняка Красная армия сыграла крупнейшую роль, ибо Красная армия, в которой было большинство крестьян, сделалась «орудием просвещения крестьянства».

Это было важнейшим условием для создания боеспособной армии, и этого мы добились «работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы», т.-е. организацией политработы и организацией партийно-политического аппарата внутри армии.

Красная армия была «орудием использования буржуазных специалистов». И опять-таки это можно было сделать только «силой новой организации, товарищеской организацией трудящихся», т.-е. созданием в армии такой системы «организующих сил», которая «охватила бы их (буржуазных специалистов.—*А. Б.*), полностью подчинила бы себе, заставила бы итти по нашим рельсам, служить нашему делу». И Ленин подчеркивал, что здесь «Одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов».

И это условие в Красной армии эпохи гражданской войны было опять-таки обеспечено «организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы», т.-е. организацией политработы, организацией института военных комиссаров и организацией партийно-политического аппарата внутри армии.

Изучение опыта гражданской войны, с точки зрения извлечения из него уроков, полезных для грядущих военных столкновений, должно остановиться на тех основных моментах, через которые прошли как организация политработы, так и организация всех составных частей партийно-политического аппарата Красной армии.

На VIII с'езде партии Лениным был поставлен вопрос: «Как создать своих командиров классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистического класса?». — И тут же он эту задачу формулировал как «задачу сочетания энту-

зиазма нового революционного творчества с использованием того запаса и склада буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны». В процессе гражданской войны, при решении этой задачи, мы шли двояким путем: с одной стороны, мы «сочетали» буржуазного специалиста и рабочего комиссара, а с другой стороны, мы шли путем подготовки «к командным должностям» рабочих и передовых крестьян.

В результате успешной работы в этих обоих направлениях и выдвинулась проблема единоначалия, которая, будучи поставлена в период гражданской войны, была разрешена в Красной армии, прошедшей через военную реформу 1924 г.

Таким образом, в ходе гражданской войны выдвигался целый ряд военно-организационных задач, имевших крупнейшее политическое значение. И эти задачи, ставящиеся в процессе строительства Красной армии как задачи политического порядка, находили свое разрешение лишь в результате создания внутри армии таких организационных предпосылок, которые в полной мере обеспечивали «сосредоточение политического руководства армии» в руках рабочего класса и его партии.

Гражданская война 1918 — 1921 гг. была великой классовой войной «организованного в государство» пролетариата против империализма. В ходе ее впервые в истории человеческого общества создалась Красная армия, являющаяся орудием диктатуры рабочего класса.

Изучение опыта гражданской войны имеет важнейшее значение и со специально военной точки зрения.

Гражданская война, Октябрьская революция, Февральский переворот, империалистическая война неразрывно связаны между собой, как звенья одной и той же исторической цепи. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при изучении всех элементов гражданской войны. Только при точном учете этого обстоятельства можно составить себе правильное представление о той материально-техни-

ческой базе, на которой развернулась гражданская война 1918—1921 гг., а также и о той военной технике и тех ресурсах всех видов довольствия, которыми располагала трехлетняя война рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов.

На X с'езде партии в 1921 г. Ленин говорил: «Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних остатков своих скудных резервов и ресурсов на эту цель, и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран».

Империалистическая война произвела гигантские разрушения производительных сил страны, саботаж и жалкое бессилие всех буржуазных правительств предоктябрьского периода увеличили эту растрату производительных сил. Гражданская война, навязанная нам собственными капиталистами и буржуазией Антанты, происходила на территории страны, гигантски экономически разоренной в течение предшествующих четырех лет; в свою очередь, она еще более углубила эту экономическую разруху.

Если взять потери армии в труде (т.-е. прямые боевые потери), то в империалистическую войну они составляли 36,6% общих потерь армии и гражданского населения в труде, а потери гражданского населения в труде—63,4%. Если же взять соответствующие данные для гражданской войны, то соотношение будет совсем иное, а именно: потери армии в труде в гражданскую войну составляют 8,5%, а потери гражданского населения в труде — 91,5%. Одно это уже предопределяло колоссальный размах разорения, последовавшего в результате трехлетней гражданской войны, охватившей всю страну от Владивостока до Минска, от Ташкента до Ленинграда.

Сумма «утерянной трудоспособности», в результате мировой войны и войны гражданской, измеряется цифрой 137,5 миллиардов золотых рублей. При этом чистая потеря для империалистической войны равняется 40 миллиардам рублей, а для гражданской войны — 51 миллиарду рублей.

не включая сюда ни расходов по ведению войны, ни вызванных ею разрушений и т. д.

Гражданская война велась три года. Она не была ограничена каким-либо определенным участком территории, а велась на огромном пространстве всей страны, — в каждом городе, в каждой самой захолустной деревне, на каждой железнодорожной станции, на каждом заводе и фабрике. Поэтому и экономические разрушения, ею произведенные, были чрезвычайно велики.

Прежде всего были чрезвычайно велики те разрушения, которые были произведены непосредственно военными действиями. За время гражданской войны было разрушено 3.672 железнодорожных моста, 3.597 обыкновенных мостов, 4.331 телеграфных аппаратов, 86,5 тыс. верст телеграфных проводов и т. д.

Материальная база за годы гражданской войны резко сузилась, уровень производительных сил резко понизился.

В области сельского хозяйства эти разрушения выражались в сокращении посевных площадей, сбора хлебов, количества скота, в резком понижении урожайности, в резком снижении всей сельско-хозяйственной продукции и в разрыве связи между миллионами крестьянских хозяйств и социалистической индустрией.

Посевная площадь зерновых культур сократилась в 1920 году сравнительно с 1916 годом на 23%, а технических культур — на 56%, при чем посевы хлопка сократились в 8 раз, а табака — в 10 раз. Сбор хлебов за время гражданской войны сократился на 30%, урожайность упала с 93% довоенных в 1917 году до 70% к довоенным в 1920 году. Размер хлебных излишков сократился в 10 раз. А сокращение количества скота в 1920 году, сравнительно с 1916 годом, колеблется от 55% (овец и коз) до 79% (крупного рогатого скота). И не только почти сошла на-нет товарная часть сельско-хозяйственной продукции, но к голодному минимуму подошло и внутреннее потребление крестьянского хозяйства.

Вся страна была поставлена под ружье, все ее силы были напряжены для обслуживания нужд войны. Удовлетворе-

ние потребностей Красных армии и фронта стояло на первом месте.

По планам государственного распределения на 1920 год, Красной армии назначалось: муки — 25% общего количества распределяемого госорганами зерно-фуража, жиров, мыла и хлопчатобумажной ткани — 40%, крупы — 50%, мяса, рыбы и сахару — 60%, мужской обуви — 90% и табаку — все 100%. Промышленное снабжение для города и особенно для деревни в некоторых случаях упало до полного нуля.

В области промышленности разрушительное влияние войны было не менее резким и глубоким. Крупная промышленность за годы гражданской войны сократилась в четыре раза, ее валовая продукция понижалась такими скачками: в 1917 году — 77% (к 1913 году), в 1918 г. — 35%, в 1919 г. — 26% и в 1920 г. — 18%. К 1920 году выплавка чугуна дошла до 2,4% к довоенному, добыча руды — до 1,7%, меди — до 0, азотной кислоты — до 4,4%, производство вагонов — до 4,2%, паровозов — до 14,8%, плугов — 13,3%, сахара — до 6,7% и хлопчатобумажной пряжи — до 5,1%. В одном обзоре состояния металлической промышленности в 1920 году о южной металлургии мы читаем: «Производство второго полугодия и даже всего года так бесконечно далеко отстает от мощности южных заводов, что цифры эти не поддаются никакому сравнению с довоенной производительностью». И далее обзор отмечает «судорожное метание от пуска то одного, то другого завода», «абсолютное невладение производственным планом» и «неоправдывающиеся расчеты на топливо».

Мелкая промышленность в 1920 году, сравнительно с 1912 — 1913 годом, сократилась более чем в два раза (валовая продукция дошла до 43% к довоенному).

В области транспорта война привела к резкому повышению числа больных паровозов и вагонов, разрушению железнодорожного оборудования и к понижению пробега грузов, обслуживавших народное хозяйство. Количество больных паровозов в 1920 году поднялось до 57%, боль-

ных вагонов — до 23%, а пробег грузов, обслуживавших хозяйство и население, сократился в 8 раз.

Тов. Кржижановский указывает, что к периоду новой экономической политики хозяйство Советской Республики дошло «до последней грани экономической разрухи».

Если взять несколько показателей этой разрухи к концу мировой войны, а затем к концу гражданской войны, то получим такую картину: сбор хлебов к концу мировой войны, сравнительно с довоенным уровнем, составлял 88%, а к концу гражданской войны — 62%; валовая продукция промышленности к концу мировой войны — 77%, а к концу гражданской войны — 18%.

Таким образом, «гражданская война происходила, — как указывает т. Крицман,—на значительно более низком уровне производительных сил, чем война империалистическая».

В начале 1918 года Ленин писал, что «нового, более высокого экономического строя е щ е н е т», а после окончания гражданской войны он подчеркивал, что «у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента — нет».

Оценивая экономику гражданской войны, Ленин говорил, что «смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской—не было», что «неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводит к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма» и что нужда и разорение таковы, что восстановить с р а з у крупное фабричное государственное социалистическое производство мы не можем.

Таким образом, мы вступили в гражданскую войну в такой момент, когда мы не сумели еще заложить фундамент социалистической экономики, а кончили эту войну при наличности экономической разрухи, дошедшей «до последней грани».

«Вся история войн, — говорил Меринг, — может быть только тогда понятна, если ее свести к ее экономическим основаниям». Характер и ход гражданской войны будут

тоже понятны только в том случае, если вывести их из тех экономических оснований, на которых эта война выросла.

Гражданская война 1918 — 1921 гг. развернулась на резко сниженной общей материальной базе. Но это ни в какой степени не может еще разрешить вопроса о технической базе гражданской войны. Для установления этой последней необходимо было бы иметь данные о производстве основных видов вооружения за годы империалистической войны и за годы гражданской войны, данные об общем расходе разных видов вооружения и боеприпасов за 1918 — 1920 гг. и те доли в этом расходе, которые покрывались запасами мировой войны и произведенным во время гражданской войны. К сожалению, этих данных нет в нашем распоряжении; их не было и в распоряжении и авторов соответствующих статей во втором томе нашего издания. Поэтому нам, во-первых, придется принять, как более или менее установленное, что целый ряд потребностей войны удовлетворялся главным образом за счет ресурсов, оставшихся от империалистической войны, и за счет многочисленных трофеев гражданской войны, и, во-вторых, нам придется ограничиться лишь тем, чтобы привести ограниченные цифровые данные в качестве иллюстраций для характеристики военной производительности и военной техники периода гражданской войны.

Если продукция целого ряда отраслей крупной промышленности, обслуживавших потребности войны, резко упала за время гражданской войны, то неизбежным следствием этого было и снижение продукции военной промышленности.

В 1920 году, сравнительно с 1917 годом, производство винтовок упало в три раза, производство пулеметов — более чем в два с половиной раза и производство винтовочных патронов — в два с половиной раза. Производство пушек и снарядов уменьшилось еще более резко. На чрезвычайно низком уровне стояло также производство самолетов и авиационного имущества. Если для сравнения взять 1916 г. (год максимального производства), то упа-

док военной промышленности гражданской войны будет еще более резким.

Военное производство гражданской войны (беря 1920 г. — год максимума) по винтовкам и пулеметам выше довоенного (1913 г.), по винтовочным патронам — ниже. Сравнение 1915 и 1920 гг. дает такую картину: производство винтовок в 1920 г. упало сравнительно с 1915 г. более чем в два раза, производство патронов — около двух раз, производство пулеметов («Максим») стояло почти на одном уровне.

В июле 1920 года тов. Рыков так характеризовал военное производство и снабжение: «За истекший год снабжение Красной армии и военное производство поставлены на твердые ноги, и, несмотря на непрерывный усиленный рост Красной армии и продолжавшееся истощение общих ресурсов республики, снабжение армии улучшилось по сравнению с предыдущей эпохой».

Армия гражданской войны, примерно, в два с половиной раза была меньше армии империалистической войны. Гражданская война была войной ружейно-пулеметной; роль артиллерии в ней была значительно меньше, чем во время империалистической войны, а артиллерийские запасы, оставшиеся от мировой войны, были очень значительны. Но если даже принять во внимание эти немаловажные обстоятельства, — все же придется констатировать упадок кадровой военной промышленности во время гражданской войны и низкий уровень ее сравнительно с периодом империалистической войны (если взять военную продукцию и по годам и в общей сумме).

Гражданская война знает организацию новых военных производств, а также и работу по суррогированию, но надо прямо сказать, что как первое, так и второе во время гражданской войны не получили хоть сколько-нибудь широкого развития.

Для характеристики материально-технической базы гражданской войны немалое значение имеет оценка состояния и работы железнодорожного транспорта. Общеизвестно, что во время гражданской войны наш железнодорожный

транспорт пришел в состояние чрезвычайного упадка. Мосты, мастерские, депо, паровозные и вагонные парки подверглись громадному разрушению. В 1920 году, сравнительно с 1917 годом, число здоровых паровозов на 100 верст пути уменьшилось более чем в два раза. Точно так же и число здоровых вагонов на 100 верст пути уменьшилось около двух раз.

Но одновременно с этим следует отметить исключительную работу железных дорог по обслуживанию фронта. Количество эшелонов людских, конских и грузовых за три года гражданской войны непрерывно увеличивается: в 1918 году их было 6.937, а в 1920 году — уже 21.005. В соответствии с этим и общее количество эшелоно-верст поднялось со 104 миллионов до 315 миллионов.

Для оценки технической базы гражданской войны немаловажным является то обстоятельство, что во время империалистической войны налицо имелось развитие военной техники, тогда как во время гражданской войны техника в лучшем случае стояла на одном уровне, а военная продукция испытала резкое понижение.

За время империалистической войны значение пехоты и кавалерии в общей массе войск уменьшилось, а численная роль артиллерии, авиации и инженерных войск возрастала.

За время империалистической войны во французской армии число артиллеристов более чем удвоилось, число пушек почти утроилось, и количество батарей с 5 на 1 *км* в 1914 году возросло до 40 — в 1917 году. К концу империалистической войны во французской армии тяжелая артиллерия составляла больше половины всей артиллерии, а, как известно, Франция начала войну без тяжелой артиллерии. В начале войны число самолетов во французской армии равнялось 200, а к концу войны эта цифра поднялась до 3.300 самолетов. В Германии в 1914 году было до 60 самолетов, а осенью 1918 года — около 2.000. В начале войны германская армия имела около 500 легковых автомобилей, а к концу войны их было уже до 20 тысяч. Относительно развития военной химии в империалистическую войну мы ограничимся лишь замечанием М. Шварте, кото-

рый писал, что «действие газов было оценено настолько высоко, что к концу войны в Германии около одной четверти всех боевых припасов для артиллерии составляли химические снаряды». Следует также отметить, что, несмотря на то, что во французской армии численность пехоты и кавалерии сократилась, — «огневое могущество этих родов войск усилилось почти втрое, благодаря умножению их материальных средств — пулеметов, автоматов, ручных гранат, пушек и артиллерии сопровождения».

Гражданская война 1918 — 1921 гг. дала значительный численный рост кавалерии и понижение в общей массе войск артиллерии. Несмотря на чрезвычайно высокое насыщение пулеметами как пехоты, так и кавалерии, все же пулеметная техника во время гражданской войны не двинулась вперед, а производство пулеметов, как это было показано выше, резко сократилось.

Целый ряд причин сочетался для того, чтобы обусловить это различие в развитии техники и военного производства во время империалистической, как и во время гражданской войны.

Это об'ясняется, прежде всего, тем, что империалистическая война 1914 — 1918 гг. происходила при вполне сложившихся капиталистических отношениях (империализм), а гражданская война 1918 — 1921 гг. происходила в период военного коммунизма, когда, по словам Ленина, у нас не было еще настоящего подхода к построению фундамента социалистической экономики, а одновременно с этим имели место экономическая разруха, распыление рабочего класса, саботаж технического персонала, и т. д., и т. д.

К этому следует добавить, что империалистическая война имела устойчивую, мало подвижную линию «позиционного» фронта, а гражданская война происходила при весьма высокой маневренности всех операций, чрезвычайно подвижном фронте и широком развитии методов «малой войны».

И, наконец, империалистическая война была войной между капиталистами, и происходила она при относительно устойчивом тыле, а гражданская война, — классовая война

между пролетариатом и буржуазией, — происходила при наличности такого тыла, который сам был ареной ожесточеннейших вооруженных столкновений.

В силу этого, во время империалистической войны все усилия могли быть сосредоточены на развитии военной промышленности, на приспособлении всей промышленности для обслуживания нужд войны и на развитии военной техники, тогда как во время гражданской войны резко падающий уровень производительных сил страны, дезорганизация военной промышленности, чрезвычайно подвижной фронт, то быстро продвигавшийся вперед, то с неменьшей быстротой откатывающийся назад вглубь страны, лишали всякой возможности систематически работать над расширением военного производства и развитием военной техники.

Громадная энергия передовых революционных элементов освободившегося народа была сосредоточена, главным образом, на преодолении экономической разрухи и на «усовершенствовании» методов борьбы за массы. Во время гражданской войны эти задачи стояли и не могли не стоять на первом месте.

Именно здесь лежат главнейшие корни того, что гражданская война 1918 — 1921 гг. происходила в лучшем случае при стабильном состоянии техники и падающей военной производительности.

Изучение гражданской войны с оперативно-тактической точки зрения — все еще дело будущего. Наш трехтомник кладет только начало (и притом очень скромное начало) этому изучению.

До сих пор мы не имеем научно построенного и, на основании архивного материала, проверенного стратегического очерка боевых операций Красной армии. До сих пор мы, по сути дела, еще совершенно не приступили к разработке тех «узловых тем», которые дали бы нам картину развития нашего военного искусства эпохи гражданской войны. Эта работа имеет для нас исключительное значение не только с точки зрения научно-теоретической, но и с точки зрения практических военных потребностей данного мо-

мента. Наше издание имеет целью заполнить эти пробелы. Но, к сожалению, приходится констатировать, что мы не смогли, как надлежало бы, выполнить этой задачи, ибо кадры наших научно-исследовательских сил все еще очень немногочисленны, — наша военная молодежь завалена практической работой, — и мы все еще не обладаем в области военно-научной исследовательской работы таким уровнем, который обеспечил бы минимум требований, обязательных для научного исследования. Эти обстоятельства в полной мере отразились и на характере нашего трехтомника. Редакция считает своей обязанностью откровенно об этом заявить. Редакция убеждена, что только такая постановка вопроса даст возможность соответствующим образом подойти к оценке настоящего издания, а одновременно побудит нашу военную науку по-настоящему подойти к изучению опыта гражданской войны.

Изучая опыт гражданской войны 1918 — 1921 гг., нельзя уклониться от сопоставления основных отличительных черт всех войн последнего десятилетия, и в первую очередь — империалистической войны 1914—1918 гг. и последовавшей за нею нашей гражданской войны.

Империалистическая война по своему основному характеру являлась грабительской войной капиталистов в интересах капиталистического раздела земного шара. Она происходила на базе высокого развитого капитализма, при высокой и непрерывно совершенствующейся военной технике, при наличности совершенно сложившихся, имевших громадный военный опыт военных организаций и при преобладании элементов позиционной войны, с большой технической нагрузкой и чрезвычайно малой маневренностью.

Гражданская война являлась классовой войной «организованного в государство» пролетариата против собственных капиталистов и помещиков, против шляхетской Польши и буржуазии лимитрофов, — войной, дирижерская роль в которой принадлежала империализму Антанты. Она происходила в условиях военного коммунизма, на базе экономической разрухи, при стационарной воен-

ной технике, пользующейся материальными ресурсами бывшей царской армии, при наличности складывающейся в ходе войны организации вооруженных сил, при широком развитии методов «малой войны» и высокой маневренности военных операций регулярных армий.

Громадная ценность опыта гражданской войны заключается в том, что эта война велась на громадной территории, отличающейся большим разнообразием в отношении географических условий, уровня культуры, классового и национального состава, и особенно потому, что эта война дала образцы операций исключительной маневренности при сочетании боевых действий регулярных армий с непосредственной вооруженной классовой борьбой различных групп населения как в тылу, так и в полосе фронта.

Более детальная характеристика гражданской войны 1918 — 1921 гг. складывается из целого ряда элементов, устанавливающих ее своеобразие.

Гражданская война была войной исключительной маневренности и чрезвычайной подвижности линии фронта, хотя и она имела случаи «позиционного стояния». По своему стратегическому характеру это была война на сокрушение, при чем Красная армия ставила себе задачу последовательного разгрома живой силы неприятельских армий, направляя свои главные удары то против одного, то против другого белого фронта, сосредоточивая на нем основную массу своих вооруженных сил. Эти боевые операции были одновременно борьбой за основные источники сырья, без которых Республике Советов грозила неизбежная гибель (хлеб, хлопок, уголь, нефть). Для операций гражданской войны, при их маневренности, характерны наступательные операции большого протяжения и глубокие рейды, направляемые в тыл расположения противника. Гражданская война, развернувшись на гигантской территории, имела громадную линию фронта, на которой велись боевые операции (фронт гражданской войны имел 8.000 *км* протяжения, а восточно-европейский фронт империалистической войны — 1.500 *км*). При широком распространении методов «малой войны» и теснейшего сочетания

их с боевыми операциями регулярных армий, линия, разделяющая фронт и тыл, фактически была ликвидирована, — была ликвидирована в том смысле, что линия фронта была чрезвычайно подвижной, и вооруженная борьба, вспыхивая то там, то здесь, велась на всей территории страны.

При огромном протяжении линии фронта и малочисленности армии (сравнительно с империалистической войной), насыщенность фронта войсками и техническими средствами была невысокая, при чем немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что во время гражданской войны на самой линии фронта находилась незначительная часть всей многомиллионной армии. Так, из $5\frac{1}{2}$-миллионной армии в 1920 году против Польши была сосредоточена $\frac{1}{8}$ часть ее, а из этой общей массы бойцов на самой линии фронта находилась $\frac{1}{4}$. Одной из характернейших особенностей гражданской войны является также и своеобразное расположение материальных баз оперирующих войсковых соединений, а именно, нередко эти базы находились не позади оперирующих войск, а впереди их, по ту сторону линии фронта. И, наконец, не менее характерной чертой гражданской войны являлся факт прямого участия в вооруженной борьбе громаднейших рабоче-крестьянских масс. Обычные утверждения, что современные войны ведутся народами, являются жалким лепетом сравнительно с действительным участием масс в непосредственной вооруженной борьбе, которая имела место в гражданской войне 1918 — 1921 гг.

В теснейшей связи с оперативно-тактической характеристикой гражданской войны стоят три вопроса: вопрос о характере маневренности гражданской войны; вопрос о слабости техники в гражданскую войну и вопрос о материальных базах в операциях гражданской войны.

Маневренность есть производное многих условий. Империалистическая война на западном фронте имела свой маневренный период. Правофланговые немецкие армии в своем марш-маневре от бельгийской границы к Марне прошли это расстояние с исключительной быстротой.

Армия генерала Клука весь путь от Аахена до южного берега Марны (520 *км*) сделала со скоростью 23 *км* в сутки.

Гражданская война знает такие марш-маневры, как преследование Колчака от Омска до Иркутска в конце 1919 – начале 1920 гг. протяжением 2.500 — 2.807 км и при средней скорости суточного движения 20 — 25 *км*. Продвижение наших войск при ликвидации Врангеля имело суточную скорость в среднем 40 — 45 *км*.

В. Ф. Новицкий (в печатающемся втором томе его исследования — «Мировая война 1914 — 1918 гг.», откуда взяты и выше приведенные цифры), говоря о «боевых явлениях кампании 1914 года», отмечает, что «в них нет того богатого использования технических средств, которые так характерны для периода позиционных операций, но ведь не следует забывать, что никакая маневренная война не может иметь такого сложного технического снаряжения». Несмотря на это, все же следует отметить, что операции 1914 года имели иную материально-техническую базу, чем операции гражданской войны. И это налагало определенный отпечаток на характер маневренности в первый (маневренный) период империалистической войны, который отличается от маневренности периода гражданской войны. Приведенные нами выше цифры, взятые из второго тома нашего издания, свидетельствуют о том, что гражданская война, при наличности невысокой насыщенности фронта войсками, дала образцы таких маневренных операций, которые отличались от маневренных же операций империалистической войны значительной глубиной своего продвижения, а также и более значительной суточной скоростью своих маршей.

Маневренность зависит также и от организации территории, прежде всего — от степени насыщения территории железными дорогами.

В. Ф. Новицкий, анализируя маневренные операции на франко-бельгийском фронте в 1914 году, указывает, что «на такую подвижность и стремительность операций, несомненно, оказало свое влияние широкое использование железных дорог и автомобилей». При слабости нашей

железнодорожной сети и автомобилизма стремительность продвижения войск обусловливались иными причинами (массовым использованием крестьянских подвод, быстрым продвижением конницы и т. д.).

Характер маневренности зависит, далее, и от соотношения родов войск в общей численности армии. При преобладании кавалерии маневренность будет носить один характер, а в войсках, насыщенных техническими средствами, но в то же время богато снабженных механической тягой, маневренность будет иметь другой характер.

Степень маневренности обусловливается, наконец, и общим характером данной войны. Несомненно, что именно классовый характер войны 1917 — 1921 гг. (конечно, при наличности целого ряда других обстоятельств) наложил свой резкий отпечаток на характер тактической подвижности участвовавших в ней войск. Вооруженная борьба рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов в 1918 — 1921 гг. отличалась таким небывалым и таким непосредственным вовлечением в эту борьбу гигантских многомиллионных масс, таким массовым энтузиазмом и такой исключительной ударностью, что это в значительной степени предопределяло и основной характер боевых операций Красной армии. И сущность дела заключалась здесь совсем не в том, что Красная армия выработала свою, «пролетарскую», стратегию и тактику (об этом преждевременно говорить),—корни этого явления лежат в природе гражданской войны 1918 — 1921 гг., т.-е. в том, что это была классовая война между «освободившимися рабочими и крестьянами» — с одной стороны, и буржуазией — с другой. Не лишним будет также вспомнить, что гражданская война 1918 — 1921 гг. была не только продолжением «политики революции», но она «обучила» правильной политике многомиллионные рабоче-крестьянские массы, при чем это «обучение» крестьянских масс происходило таким образом, что крестьянство неоднократно колебалось в поддержке то генералов, то большевиков и только в конце-концов, убеждаясь на практической проверке, переходило на сторону революции. И нет ничего неожидан-

ного в том, что именно классовая война 1918 — 1921 гг. поставила на такое видное место конницу. Характеру ожесточенной вооруженной классовой борьбы, каковой была наша гражданская война, с ее громадной массовидностью, энтузиазмом, ненавистью, ударностью и стремительностью, вполне соответствовал характер боевых действий такого рода войск, как кавалерия. Поэтому, при наличности целого ряда об'ективных обстоятельств (конский состав, подготовленные кадры кавалерийского состава и т. д.), конница в гражданской войне и выдвинулась на столь видное место.

Полезно подчеркнуть, что в маневренной классовой войне между пролетариатом и буржуазией в 1918 — 1921 гг кавалерия сыграла крупнейшую роль, между тем как в маневренный период империалистической войны между капиталистами в 1914 году роль кавалерии была ничтожна.

И весьма характерно, что В. Ф. Новицкий, подытоживая опыт военной кампании на франко-бельгийском фронте в 1914 году, пишет, что «эта кампания подтвердила, как общее правило, что кавалерия, в отношении боевых действий в конном строю, вытеснена с общих полей сражений; в сражениях 1914 года, правда, встречаются единичные случаи небольших кавалерийских боев, но эти частные эпизоды никогда не принимали значительных размеров и не оказывали никакого влияния на исход этих сражений».

Немалую роль в степени подвижности войсковых масс Красной армии на фронтах гражданской войны сыграла и та организация снабжения войск всеми видами довольствия, которая создалась на территории Советской Республики в ходе гражданской войны. В этом пункте мы вплотную подходим к вопросу о материальных базах в операциях гражданской войны.

Гражданская война 1918 — 1921 гг. была войной с перевернутыми базами.

Во втором томе нашего издания читатель найдет некоторые цифры, подтверждающие это положение. Показательными являются цифры удовлетворения продовольствием фронтовых частей по нарядам центра и путем

самозаготовок фронта. Так, например, по целому ряду предметов продовольствия (ржаная мука, крупа, мясо, рыба, зернофураж и проч.) самозаготовки Кавказского фронта с октября 1919 года по март 1920 года составляли от 70,8% (крупа) до 96,7% (овощи) общего количества отпущенного продовольствия.

Примерно, то же самое следует отметить и в отношении пополнения фронтов людским составом. Продвижение красных частей к рабочим центрам Урала или к восставшим против Колчака крестьянским районам Сибири создавало благоприятные условия для пополнения фронтовых частей Красной армии восточного фронта новым красноармейским составом, вместо той убыли, которая была очень значительна вследствие ожесточенных боев и эпидемии тифа.

Об военной технике периода гражданской войны широко распространено мнение, что она характеризовалась весьма низким уровнем как в отношении качества технических средств, так и в отношении количества их в частях Красной армии.

Что во время гражданской войны мы были страной экономически отсталой и неслыханно разоренной, что наш материально-технический уровень был весьма невысок, что техническое оборудование было изношено до крайних пределов, — это есть истины, не требующие доказательства. Но из одного этого факта ни в коем случае нельзя сделать вывода о слабости военной техники Красной армии периода гражданской войны. Этот вопрос является до сих пор наименее разработанным. Суждения по этому вопросу до сих пор составляются по большей части на основании личного опыта участников войны 1918—1921 гг. и некоторых отрывочных данных.

Всякая маневренная война до настоящего времени неизбежно приводила к понижению уровня насыщения техническими средствами войсковых частей, принимавших участие в такого рода войне.

Французский генерал Эрр отмечает, что количество батарей ко времени наступления «в открытом поле» летом

1918 года во французской армии «упало, в среднем, до 20 батарей на один километр». М. Шварте отмечает в своей книге, что «мировая война дала в позиционный период огромные накопления пионерно-технических средств борьбы как по количеству, так и по могуществу и тяжеловесности; в маневренный же период войны пришлось опять вернуться к простейшим техническим средствам борьбы».

Это правило нашло свое выражение и в той маневренной войне, какой была гражданская война 1919 — 1921 гг.

По этой причине, а также и по целому ряду других обстоятельств, войска гражданской войны не могли быть перегружены техническими средствами. Но одновременно с этим мы имеем налицо целый ряд фактов, которые свидетельствуют о том, что, например, при разрушенном до последней степени железнодорожном транспорте использование его для фронтовых целей было не ниже, а подчас даже выше, чем на восточно-европейском фронте империалистической войны. То же самое, примерно, можно отметить и в отношении насыщения частей Красной армии различного рода техническими средствами.

По штату № 220 (1918 г.), дивизия должна была иметь численность в 60 тысяч при 432 пулеметах и 116 орудиях, а по штату 1920 г. — 48 тысяч при 240 пулеметах и 32 орудиях.

Имели же мы дивизию 9 — 15 тыс. состава при 120 — 150 станковых пулеметах и 22 — 28 орудиях. Если сравнить ее с дивизией 1917 г., то получаем такие соотношения: в нашей дивизии на 1.000 бойцов имелось 12 — 15 (иногда 20) пулеметов и 2 — 3 орудия, а в дивизии 1917 г.—3½ пулемета и 2 — 3 орудия.

На 1 орудие в 1920 году приходилось 5 — 8 пулеметов, а в 1917 году — 1⅓ пулеметов.

В целом ряде случаев насыщенность пулеметами наших частей была еще более высокой, чем указанная выше.

Все это заставляет нас еще раз подчеркнуть условность ходового мнения о «слабости техники» в частях Красной армии периода гражданской войны.

В кавалерии количество тяжелых пулеметов было тоже

весьма высоко. Во втором томе нашего издания читатель встретится с выводом, что артиллерия и пулеметы являлись «опорой боевых порядков конницы».

Приведенные цифровые данные, конечно, ни в малейшей степени не решают вопроса об оценке уровня военной техники периода гражданской войны, но они лишний раз подчеркивают, что этот вопрос не так уж прост, как он представляется многим, и что он может получить правильное разрешение лишь после обстоятельной архивной его разработки.

Мы остановились лишь на сравнительно небольшом количестве тех важнейших военных проблем, которые выдвинуты гражданской войной 1918 — 1921 гг. Но эти немногие проблемы в достаточной мере свидетельствуют о многообразии и ценности опыта этой классовой войны между пролетариатом и буржуазией.

В отношении к истории гражданской войны мы встречаемся с двумя крайними, одинаково вредными, точками зрения: с фетишированием опыта гражданской войны и с пренебрежением, даже отрицанием ценности этого опыта. За последние годы обе эти точки зрения потеряли значительную часть своей остроты. На смену подчас весьма резкому, в прошлом, столкновению этих двух «направлений» военной мысли пришло единственно правильное отношение, признающее за опытом гражданской войны важнейшее значение, но одновременно требующее тщательного и трезвого изучения всех кампаний гражданской войны и всех проблем военного дела эпохи этой войны.

Мы считаем необходимым самым решительным образом отвергнуть всякую тенденцию рассматривать гражданскую войну 1918 — 1921 гг., как малоинтересный эпизод в истории военного искусства. Одновременно мы считаем точно так же необходимым предостеречь от такого взгляда на гражданскую войну, который рассматривает ее как войну, создавшую «новую военную тактику»—пролетарское военное искусство.

Глубоко ошибочно было бы сделать вывод о малой значимости для нас опыта гражданской войны 1918 — 1921 гг.

с точки зрения особенностей нынешнего момента в истории Союза Советских Республик.

Под какими бы лозунгами мировая буржуазия ни предприняла нападение на Советский Союз, — война, которая явится следствием этого нападения, будет войной революционно-классовой, и, как таковая, она неизбежно и во многом должна будет исходить из опыта первой революционно-классовой войны «организованного в государство» пролетариата против капитализма, т.-е. гражданской войны 1918 — 1921 гг.

Необходимость изучения опыта гражданской войны 1918 — 1921 гг. сейчас стоит острее, чем когда-либо. Международная обстановка вновь и вновь сигнализирует неизбежность нарушения той передышки, которой пока еще пользуется страна строящегося социализма. «Капиталистическое развитие в целом, — читаем мы в резолюции XV партийного с'езда, — обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мирной передышки, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов». И при этом XV с'езд особо отмечает, что «наступление мирового капитала на рабочий класс находит свое наиболее концентрированное выражение в подготовке войны против СССР».

Как в самой Красной армии (в частности, ее средний командный состав), так и вне ее подрастает новое поколение, не прошедшее суровой школы войны и не имеющее ее практического боевого опыта. Для этих кадров изучение гражданской войны 1918 — 1921 гг. должно будет в известной мере восполнить отсутствие у них боевого опыта. Наконец, все свое значение опыт гражданской войны сохраняет и для других отрядов международного пролетариата и угнетенных народов колоний и полуколоний, уже ведущих борьбу с империализмом.

Цель настоящего 3-томного издания, с одной стороны, — положить начало систематическому изучению опыта гражданской войны и дать всем, изучающим этот опыт, минимальный материал и основные отправные данные для этого

изучения, с другой стороны — толкнуть вперед дело разработки вопросов гражданской войны как по архивным материалам, так и по воспоминаниям и указаниям участников этой войны.

Перед редакцией стояла нелегкая задача дать такую историю войны 1918 — 1921 гг., которая не являлась бы только изложением истории высшего командования или давала бы только описание военных кампаний гражданской войны. Мы поставили перед собой задачу освещения гражданской войны по возможности во всей грандиозности ее боевых эпизодов и со всем своеобразием форм и методов ведения этой классовой войны. Редакция настоящего издания вполне представляет себе некоторую «преждевременность» такой постановки вопроса, ибо до сих пор еще очень слабо разработаны архивные источники, почти совсем не подытожен боевой опыт участников гражданской войны и, наконец, целый ряд явлений гражданской войны по тем или иным причинам не может еще получить всестороннего освещения.

Но, несмотря на это, мы все же должны уже в настоящее время начинать эту работу, закладывать фундамент того научного исследования, которое будет закончено значительно позже, — подготовлять для него соответствующие материалы.

Мы признали наиболе целесообразным наше издание разделить на три тома.

Первый том дает описание и освещение отдельных фактов, боевых эпизодов и операций Красной армии, по возможности наиболее характерных, вскрывающих ту обстановку, в которой протекала борьба Красной армии в героическую эпоху войны 1918 — 1921 гг.

Второй том рассматривает важнейшие вопросы военного искусства Красной армии.

Третий том дает оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии.

Мы заранее предупреждаем читателя о неизбежных недостатках нашего труда и о далеко недостаточной полноте его.

В своей работе как редакция, так и авторы настоящего труда, помимо вышеуказанного, были ограничены весьма и весьма жесткими сроками, связанными с необходимостью издать весь трехтомник к десятилетию Красной армии.

Мы поставили себе задачей, помимо использования архивных материалов, привлечь возможно шире к участию в настоящем издании непосредственных участников гражданской войны 1918 — 1921 гг.

Помня, что ряды последних с каждым днем все более и более редеют, мы обратились к ним с соответствующим приглашением как через печать, так и персонально.

С глубоким удовлетворением должны мы отметить, что, несмотря на весьма краткий срок, наше приглашение нашло живой отклик и в рядах Красной армии, и вне ее.

Кроме лиц, непосредственно принявших участие, в той или иной форме, в составлении настоящего труда, более 200 лиц откликнулись на наше приглашение (список их будет помещен в III томе) и прислали самые разнообразные материалы в виде дневников, воспоминаний, рассказов, исследований, заметок, писем, фотографий и т. п., которые в той или иной степени были использованы редакцией в настоящем труде.

Мы считаем безусловно необходимым широкое привлечение непосредственных участников гражданской войны потому, что наши архивы не могут служить исчерпывающим источником для составления истории гражданской войны.

Наши архивы достаточно полно освещают историю высшего командования, но они не всегда с необходимой отчетливостью отражают работу самих войск и их творчество на поле боя.

Совершенно неизбежная слабость подготовки войсковых штабов в гражданской войне нередко приводила к тому, что они далеко не в полной мере отражали в своих оперативных документах подлинную историю боевых действий самих войск.

В то же время в наших архивах мы наталкиваемся на целый ряд крупнейших пробелов, а значительная часть

архивных материалов находится еще в распыленном состоянии (в распоряжении местных архивов, отдельных лиц и т. д.).

Выход из печати настоящего трехтомника не должен остановить участников гражданской войны в присылке имеющихся у них материалов, относящихся к этой героической эпохе.

Поставив себе целью, как указано выше, положить лишь начало систематическому изучению опыта гражданской войны 1918 — 1921 гг., редакция рассчитывает, что дальнейшая присылка участниками этой войны соответствующих материалов даст возможность продолжить настоящий труд и тем самым, в конце-концов, собрать материалы для исчерпывающей истории нашей гражданской войны.

ВКП(б) И ВОЕННОЕ ДЕЛО [1]

Военно-политическая академия имени Толмачева за последние годы производит немалую работу исследовательского характера.

Издание, — сборник «ВКП(б) и военное дело» — подготовленное преподавателями кафедры партполитработы тт. Геронимусом и Орловым, содержит в себе не только резолютивный материал партийных с'ездов и конференций, начиная со II с'езда нашей партии и кончая XIV с'ездом, но также и обширные раз'яснительные примечания.

Первая часть этих материалов и примечаний освещает «военное дело» в партии до Октябрьской революции, а вторая часть содержит партийные резолюции и постановления, определявшие основную линию нашей военной работы с момента установления власти Советов, т.-е. освещает генеральную линию и работу партии в военном деле после Октябрьской революции.

В той же цепи вопросов, но все же несколько особняком, стоят решения нашей партии, относящиеся к периоду империалистической войны. Вопрос о «вооружении пролетариата» встал тогда в тесной связи с лозунгом — «превращение войны империалистической в войну гражданскую». Эта группа вопросов требует особого внимания и рассмотрения.

Предисловие имеет целью—облегчить ориентировку в директивах нашей партии, собранных в настоящем издании.

---

[1] Эта статья была помещена в качестве предисловия к сборнику «ВКП(б) и военное дело», изд. Толмачевской академии.

4*

I

Наша партия — боевая политическая организация рабочего класса. Этот боевой, руководящий, последовательно революционный характер коммунистической партии с особенной резкостью подчеркивался Лениным.

Этой мыслью проникнут и его основной план построения партии, как организации профессиональных революционеров, связанной с массами и обеспечивающей «энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы» рабочего класса [1].

Выдвигая в «Что делать», т.-е. в самом начале 900-х годов, вопрос о «народном восстании», Ленин хотел иметь такую организацию, которая готовилась бы к восстанию и не забывала бы «в то же время ни на минуту своей будничной, насущной работы», и в значительном примечании на той же странице резко, сильно, отбрасывая в сторону всех злостных истолкователей, подчеркивал: «нам нужна военная организация агентов» [2].

Как ставил Ленин в эти предреволюционные годы вопрос о вооруженном восстании? Ответ на этот вопрос дает следующая выдержка опять-таки из «Что делать». «С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначать же Центральному комитету агентов по всем местам для подготовки восстания. Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания» [3].

II партийный с'езд, рассматривая вопрос «о демонстрациях», указывал, что демонстрации «уже приводят» к во-

[1] Ленин, том V. «Что делать», стр. 204.

[2] Ленин, том V, стр. 265-6.

[3] Ленин, том V, стр. 265-6.

оруженным столкновениям «народа с правительственной властью» и подготовляют «тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя». В связи с этим с'езд дает целый ряд директив по организации демонстраций, а именно: 1) организация демонстраций «по одному общему плану», 2) подготовка активного ядра» демонстрантов, 3) специальные меры для активного, «по возможности», вооруженного отпора «полицейским ордам» и 4) ознакомление солдат «с характером и целью демонстраций, призыв их «к братанию с народом». В этих указаниях с'езда ясно видно громадное внимание к военно-организационной стороне политических демонстраций.

В 1905 году Ленин указывал на две, если можно так выразиться, подготовительных ступени, через которые прошла постановка вопроса о воруженном восстании от начала массового рабочего движения в 90-х годах до начала революции 1905 года. В 1897 году (в «Задачах русских социал-демократов») был поставлен вопрос «только о собирании армии, т.-е. о пропаганде, агитации организации вообще»[1]. В 1902 г. (в «Что делать») — ясно выдвинут уже лозунг подготовка восстания, но нет еще прямого призыва к восстанию, нет еще признания, что движение «уже привело к его необходимости, что необходимо тотчас вооружаться, организовываться в боевые группы и т. д.»[2].

До 1905 г. не было такой постановки вопроса о вооруженном восстании, а поэтому не ставился еще целый ряд вопросов, связанных с организацией вооруженных сил революции.

В 1905 г. положение резко меняется. «Начиная с 9-го января, — говорит Ленин, — рабочее движение у нас на глазах вырастает в народное восстание»[3]. Начинается открытая, прямая война народа с правительством царя Николая Романова.

[1] Ленин, том VI, стр. 287.

[2] Ленин, том VI, стр. 288. Разрядка автора.

[3] Ленин, том V, стр. 76. Разрядка автора.

В поле практической деятельности партии входят вопросы ведения этой войны против правительства, — вопросы организации вооруженных сил революции, технического снабжения их, тактики вооруженной борьбы и т. д.

Таким образом, военное дело с этого момента входит в круг партийных задач, прочно занимает в партии определенное место.

Резолюция VII с'езда партии «о вооруженном восстании» констатирует, что «движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания». Исходя из этого, резолюция дает как общую директиву, так и основные практические указания в связи с тем, что вооруженное восстание стоит уже в порядке текущего дня. Специальный пункт резолюции указывает на необходимость «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

Задача организации «особых групп из партийных работников» представляла в то время настолько новое дело, — оно вызвало уже крики меньшевиков о «заговорщиках», увлечение техникой восстания и т. д., — что Ленин на III с'езде, при обсуждении вопроса о вооруженном восстании, считал необходимым заявить: «По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп» [1].

Вышедшая недавно книжка «Боевая группа при ЦК РСДРП (б)» дает интересный материал о работе партии по подготовке вооруженного восстания. Составитель этого сборника, тов. С. Познер, правильно отмечает, что статьи и воспоминания, помещенные в нем, вскрывают «только незначительную часть всей работы партии в деле подготовки к вооруженному восстанию в период 1905—1907 гг.» [2].

[1] III очередной с'езд РСДРП 1905 г., ГИЗ, 1924 г., стр. 182.

[2] 1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б) (1905—1907 гг.). ГИЗ, ст. V

И было бы весьма необходимо не только продолжать работу, начатую указанным сборником, но и повести ее в другом направлении, а именно, — собрать и соответствующим образом разработать резолюции и постановления местных партийных конференций, партийных комитетов и групп по вопросам, относящимся к подготовке вооруженного восстания.

При выполнении этой задачи мы имели бы возможность детально изучить военное дело в партии за период революции 1905 г.

В настоящем издании даны лишь резолюции партийных с'ездов и конференций, отражающие только основное в постановке и разрешении интересующих нас вопросов о военном деле в партии до Октября и работе партии в военном деле после Октября. И только в этом, по необходимости ограниченном, смысле и следует понимать название этой работы («ВКП (б) и военное дело»).

В конце 1906 г. Ленин устанавливал такое «историческое развитие» форм борьбы, выдвинутых в России на протяжении от 90-х гг. к концу 1906 г.: «Сначала экономические стачки рабочих (1896 — 1900), затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901 — 1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов, 1902), летние стачки (1903), 9-е января (1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (декабрь 1905), парламентская мирная борьба (апрель — июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905 — июль 1906 гг.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 — осень 1906 гг.) [1].

1906 г. представлял особый период в развитии первой революции в России,— революционный под'ем был налицо, но пункт его максимального напряжения («массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание») был уже позади. Все отчетливее и отчетливее выступал факт несовпадения двух основных потоков революции — восстания рабочих

[1] Ленин, том VII, часть 2, стр. 79.

и восстания крестьян, факт отставания второго потока от первого. А тем временем военно-полицейская диктатура систематически расправлялась с движением, громя его по частям, жесточайшими мерами подавляя военные и крестьянские «частичные восстания». Требовалось значительно больше революционной наступательной активности, чем это было на деле. Налицо была явная недохватка организованности — «организации отстали от роста и размаха движения», — говорил Ленин в середине 1906 г. [1].

И большевистская резолюция о вооруженном восстании, предложенная на Стокгольском с'езде в 1906 г., на основе учета опыта борьбы и оценки положения выдвигала определенные практические лозунги, ведущие вперед, стремящиеся к устранению недостатков организованности. Резолюция утверждает: 1) что «декабрьское восстание выдвинуло новую баррикадную тактику», 2) что она «доказала возможность вооруженной открытой борьбы народа даже против современного войска», 3) что вооруженное восстание является «достигнутой фактически ступенью движения», 4) что оно есть «главная форма борьбы» и 5) что данная «ступень движения» открывает «переход от оборонительной к наступательным формам борьбы».

Практические выводы сводились к указанию на необходимость развивать и улучшать организацию боевых дружин, усиливать работу в войсках и стремиться к совместным и единовременным боевым выступлениям рабочих и крестьян.

Общий план военной работы партии был дан на I конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г., которая не была признана «законной» меньшевистским Центральным комитетом [2]. Резолюции этой конференции должны быть тщательно изучены каждым, кто хочет иметь конкретное представление об основных элементах военного дела в нашей партии в период первой революции.

[1] Ленин, том VII, часть 2, стр. 47.
[2] См. об этом у Ленина, т. VIII, стр. 370 и след.

В порядке дня Стокгольмского с'езда стоял вопрос о партизанских выступлениях. В предложенной большевиками резолюции по этому вопросу, партизанские выступления, между прочим, оценивались и с точки зрения их необходимости «для боевого воспитания и военного обучения наших боевых дружин».

К вопросу о партизанских выступлениях возвращался и Лондонский с'езд. В резолюции, предложенной большевиками, имелся пункт, на который я считаю необходимым обратить внимание. Это пункт 3-й, говорящий о том, «что формой боевых организаций, наиболее соответствующей задаче подготовки боевого авангарда пролетариата к вооруженному восстанию, является система партийной милиции, заключающаяся в обучении военному делу всех членов партии в рамках существующих партийных ячеек».

В практике боевой работы нашей партии в 1906 и 1907 гг. имели место случаи организации (через боевые дружины) обучения военному делу (уменью стрелять) не только членов партии, но и беспартийных рабочих. Из своей личной практики могу указать, что это делал в Шуе тов. Фрунзе. То же самое при обсуждениях этих вопросов отстаивал (и частично проводил) и начальник Иваново-Вознесенской боевой дружины тов. И. Уткин (Станко). Тот же способ организации вооруженных сил в годы первой революции, безусловно, практиковался и в других рабочих центрах тогдашней России.

В предреволюционные годы, когда нарастание движения было уже налицо, Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию»[1]). А в конце 1906 г. он обращался с призывом — «следует научиться воевать». В этой же статье, посвященной партизанским выступлениям, он давал такую оценку «партизанской войне»: «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло до восстания, и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями в гражданской войне»[2].

[1] Ленин, т. V, стр. 222.
[2] Ленин, т. VII, ч. 2, стр. 82.

Меньшевистским же критикам, клеймившим партизанские выступления, он отвечал: «В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является воюющая партия. Это абсолютно неоспоримо. Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказать нецелесообразность тех или иных форм гражданской войны в тот или иной момент. Критику различных форм гражданской войны с точки зрения военной целесообразности мы вполне признаем, и безусловно соглашаемся, что решающий голос в таком вопросе принадлежит практикам с.-д. каждой отдельной местности. Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, чтобы от анализа условий гражданской войны не отделывались избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме, чтобы бессмысленные приемы партизанских действий, примененных такой-то пепеэсовской организацией в такой-то момент, не выдвигали как пугало по вопросу о самом участии с.-д. в партизанской войне вообще»[1].

После роспуска Государственной думы в 1906 г. Ленин еще и еще раз ставит вопрос «об организации для борьбы» и выдвигает такое положение: «Теперь мы особенно должны раз'яснять в своей агитации необходимость трезвого взгляда на вещи, необходимость военной организации на ряду с организацией советов для их защиты, для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы»[2].

Большое внимание уделялось нашей партией работе среди войск. Это общеизвестно. Об этом же говорят специальные постановления партийных с'ездов и конференций. После восстания на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. Ленин констатировал: «Из самого войска выходят отряды революционной армии». И ставил перед такими «отрядами» следующую задачу: «Дело таких отрядов провозгласить восстание, дать массам военное руковод-

[1] Ленин, т. VII, ч. 2, стр. 83.

[2] Ленин, там же, стр. 19.

ство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны...»[1].

Подводя общие итоги работы нашей партии по организации вооруженных сил революции за период 1905—07 гг., можно утверждать, что эта работа охватывала все элементы военного дела.

В своей работе по подготовке вооруженного восстания партия обращала внимание на следующие стороны этого дела: 1) на организацию вооруженных сил (боевые дружины, «система партийной милиции», выработка «кадров руководителей рабочими массами во время восстания» и т. п.), 2) на технику вооруженных сил (снабжение оружием, мастерские бомб, транспорт оружия и пр.) и 3) на тактику вооруженных сил (вооруженное восстание, партизанские выступления, уличный бой, выработка опыта «наступательных и внезапных действий» и т. д.).

Большевистские взгляды по всем вопросам вооруженного восстания за период 1905 — 1907 гг. вырабатывались в непрерывной борьбе с меньшевизмом и эсеровским авантюризмом.

Разгром первой революции, наступление реакции сняли на долгие годы с очереди дня вопрос о вооруженном восстании. В качестве основной задачи снова выдвинулась задач собирания партийных сил, «длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата».

Партийные конференции и совещания в 1908 — 1910 гг. останавливаются лишь на вопросах «распространения партийной работы на крестьянство и армию» (обще-русская конференция в 1908 г.) и пропаганды «непосредственной революционной борьбы народных масс», раз'яснения «опыта всех практиковавшихся ее методов» (совещание расширенной редакции «Пролетария» в 1909 г.) и т. п.

«Наша задача теперь, — писал Ленин в ноябре 1908 г. — ...в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и

[1] Ленин, т. VI, стр. 268. Разрядка автора.

в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы»[1].

Исходя из такой оценки наших основных задач, Ленин вел борьбу с «отзовизмом» и «ультиматизмом» (затем и с группой «Вперед») не только в плоскости общей оценки положения, использования легальных возможностей и т. п., но и против авантюризма в их взглядах на формы и методы борьбы в обстановке вырастающей реакции.

«Петербургские отзовисты» в пункте 2-м своей резолюции (в 1908 г.) писали, что «разрешение этого столкновения при наличности сильно развитых в России классовых противоречий примет форму революции, которая приведет к вооруженному восстанию для свержения самодержавно-крепостнического строя».

По этому поводу Ленин писал: «О цели борьбы нам еще ничего ясного не сказано, о своевременном моменте и развитии самодержавия — тоже, но о средстве борьбы отзовисты спешат сказать, чтобы заявить себя «революционерами». Это ребячество, дорогие товарищи, ибо вы опять показываете, что заучили обрывки хороших слов, не поняв их смысла[2].

Напоминая «отзовистам», что вопрос о вооруженном восстании был поставлен на очередь дня «только после 9 января 1905 года», Ленин раз'яснял: «Пока «под'ем» не наступил, пока «революция» в самом узком и непосредственном значении слова не стала настоящим (а отзовисты говорят о ней «в будущем примет форму революции»), до тех пор выставлять лозунг одного из средств борьбы значит изображать из себя карикатуру на революционных с.-д. Резолюция конференции говорит о назревающем революционном кризисе и о цели борьбы (завоевание власти революционными классами), и большего сейчас сказать нельзя и говорить не нужно»[3].

---

[1] Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 165.

[2] Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 235—6.

[3] Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 236. Разрядка автора.

А по поводу выставленного в той же резолюции положения, что следует «на первом плане поставить внедумскую борьбу» (разрядка моя *А. Б.*), — Ленин заметил: «...отзовисты вместе с эсерами подымают «революционный» визг о «внедумской борьбе», о натиске и т. п. »[1]. Когда же два «отзовиста» в «отчете тов. большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария» (в конце 1909 г.) подняли разговор об устройстве «инструкторских групп и школ» для боевиков и об «усилении пропаганды в войсках», то и Ленин дал такую оценку этим авантюристским, в тогдашней обстановке, лозунгам: «Рекомендовать «инструкторские школы» и «усиление пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся реакции» — и в то же время отрицать возможность для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборнике логических нелепостей для учеников низших классов гимназии»[2].

1910 г. кладет начало оживлению экономической борьбы рабочих, а 1912 г. знаменует собой начало массового революционного под'ема.

Изменения общего политического положения находят себе точное отражение в резолюциях партконференций и совещаний, которые имели место за 1912 — 1913 гг. Январская конференция 1912 г. отмечает: «В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910 — 1911 гг., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3-го июня[3].

И в связи с этим конференция указывает «на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной

---

[1] Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 237.

[2] Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 302. Разрядка автора.

[3] РКП(б) в резолюциях ее с'ездов и конференций, ГИЗ, М. 1922 г., стр. 128.

организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все учащающимися политическими его выступлениями» [1].

Совещание ЦК с партработниками в декабре 1912 г., констатируя «развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата» и «начало взрывов недовольства и восстаний во флоте и войске, ознаменовавших 1912 г.», указывает организациям партии, что они «должны выдвинуть на одно из первых мест в своей деятельности всестороннюю поддержку революционных массовых стачек, а также развитие и организацию всякого вида революционных выступлений масс. В особенности необходимо выдвинуть, как очередную задачу, устройство уличных революционных демонстраций, как в их сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений» [2].

А летом 1913 г. совещание ЦК с партработниками снова останавливается на «положении в стране» и «признает», что «Движение подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки. Систематическую подготовительную агитацию за эту стачку необходимо начать немедленно и повсеместно» [3].

Период 1910 — 1911 гг. и особенно 1912 — 1914 гг. дает картину постепенного нарастания нового революционного под'ема. Но движение, оборванное империалистической войной, не доходит до постановки на очередь дня вооруженного восстания, а поэтому и задача организации вооруженных сил революции не находит еще себе места в порядке дня партийных конференций и совещаний. Военное дело не стоит в порядке дня практической работы партии. Попытки отзовистов (впередовцев) в первые годы после революции заговорить о вооруженном восстании и даже о некоторых практических мерах этого порядка (инструк-

[1] РКП(б) в резол. ее с'ездов и конфер., ГИЗ, М. 1922 г., стр. 128

[2] Там, же, стр. 142.

[3] Там же, стр. 153.

торские школы, школы боевиков, военная пропаганда) получают решительный отпор со стороны большевизма. Они являлись не чем иным, как «левыми», явно авантюристическими фразами. Большевизм в эти годы боролся против ликвидаторства и против впередовского авантюризма.

II

Мировая война коренным образом изменила предпосылки революционной деятельности большевизма. В те годы большевизм был загнан в подполье, размах его работы невероятно сузился, почти сошел на-нет. Но одновременно уже создавались предпосылки для гигантского расширения деятельности большевизма, так как именно с этого момента берет свое начало международная роль большевизма. Основным лозунгом большевизма в эту эпоху был лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую». Уже в манифестте ЦК нашей партии об империалистской войне (сентябрь 1914 г.) было точно сказано: «Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны» [1].

Останавливаясь на лозунге «превращения современной империалистской войны в гражданскую войну», манифест говорит, что «социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом» [2]. В годы мировой войны Ленин вел беспощадную борьбу против «пацифистских» лозунгов — «мира» и «разоружения». Логическим выводом из такой постановки вопроса был лозунг «вооружения пролетариата».

«Нашим лозунгом, — писал Ленин, — должно быть вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию» [3].

[1] РКП (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций, ГИЗ, 1922 г., стр. 165. Разрядка моя.

[2] Там же, стр. 165. Разрядка моя.

[3] Ленин, том XIII, стр. 451.

И, резко подчеркивая ту же мысль, Ленин говорил: «Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами» [1].

Женщинам угнетенного класса он вкладывал в уста такие слова к «своим сыновьям»: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее» [2].

Миллионы и миллионы рабочих и крестьян стояли тогда под ружьем, и в силу этого громадное значение приобретала работа в войсках.

В 1905 г., после Потемкинского восстания, Ленин писал, что «из самого войска выходят отряды революционной армии». Во время империалистской войны 1914 — 1918 гг. революционная работа в войсках непосредственно подготовляла возможность, при определенных условиях, образования таких «отрядов революционной армии». И поэтому, намечая «задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии», Ленин посвятил этому вопросу особый (23) пункт. В этом пункте мы читаем: «Расширение и усиление с.-д. работы в войске как перед вступлением молодежи в ряды его, так и во время отбывания службы. Создание с.-д. групп во всех воинских частях. Раз'яснение исторической неизбежности и законности, с точки зрения социализма, употребления оружия в единственно-законной войне, именно в войне пролетариата с буржуазией за освобождение человечества от наемного рабства. Пропаганда против изолированных аттентатов (покушений) во имя связи борьбы революционной части войска с широ-

[1] Ленин, том XIII, стр. 450.

[2] Ленин, том XIII, стр. 453.

ким движением пролетариата и эксплоатируемых в населении вообще. Усиление пропаганды той части Ольтенского решения, которое рекомендует солдатам отказ в повиновении при употреблении войска против стачечников, а равно необходимости не ограничиваться пассивным отказом в повиновении»[1].

Практическим выражением этих лозунгов о гражданской войне, вооружении пролетариата и революционной работе в войсках явилась, после февральской революции, организация Красной гвардии.

Приходится чрезвычайно пожалеть, что в настоящем издании даны лишь выдержки из немногочисленных центральных партийных документов, и совершенно не нашла своего отражения та работа (в той или иной степени примыкающая к «военному делу»), которая велась нашей партией в годы мировой войны среди солдат, моряков, в рабочих центрах, на фронте и т. д.

Февральская революция 1917 г. была началом реализации лозунга превращения войны империалистской в войну гражданскую. С этого момента начинается совершенно новая полоса военной работы нашей партии. Надо иметь в виду, что она велась в очень трудных условиях, так как в то время большевики были в меньшинстве и «центральным пунктом» нашей работы была «работа именно пропагандистов» — «для высвобождения пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелкобуржуазного угара»[2].

Работа по организации пролетарских вооруженных сил развертывалась постепенно, параллельно нарастанию событий, на ряду с переходом масс рабочих и солдат на нашу сторону. Эта работа в течение всего предоктябрьского периода шла в основном по трем направлениям: 1) руководство бурно развившимся массовым революционным движением, в котором политические демонстрации, вооруженные демонстрации, граничащие с восстанием, и восстания занимали главное место; 2) работа

[1] Ленин, том XIII, стр. 497—8.

[2] Ленин, том XIV, ч. 1, стр. 37. Разрядка автора.

среди войск в целях «завоевания» их на сторону новой революции («вся власть советам») и 3) организация Красной гвардии. И здесь опять-таки приходится пожалеть, что в настоящем издании не нашла отражения бурная предоктябрьская эпоха, хотя примечания 34 — 37 дают некоторый материал для ее понимания. В издании не имеется никаких материалов о работе нашей военной организации, а также и основных документов по организации Красной гвардии.

III

Громадный политический опыт нашей партии, вообще, большой военно-организационный и боевой опыт, в частности, после Октябрьской революции нашли себе приложение в организации вооруженных сил Советского государства.

Общеизвестно, что строительство Красной армии прошло через три главнейших этапа.

Первый — это 1918 — 1920 гг., годы создания Красной армии и выработки основ системы вооруженных сил Советского государства.

Второй — это 1921 — 1923 гг., годы перехода на мирное положение, первоначальные шаги по реорганизации армии, применительно к условиям этого перехода.

Третий — это 1924 — 1926 гг., годы приспособления структуры армии к условиям мирного строительства и создания системы вооруженных сил СССР.

Через все это десятилетие красной нитью проходит руководящая роль партии в организации военного дела после Октябрьской революции.

VII партийный с'езд (март 1918 г.) с чрезвычайной резкостью выдвигает задачу «всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям».

VIII с'езд (март 1919 г.) на основе уже готового опыта военной и боевой работы партии и государства, вносит специальный военный раздел в принятую на этом же с'езде партийную программу и принимает резолюцию по военному вопросу.

IX с'езд (март — апрель 1920 г.) намечает условия и формы перехода к милиционной системе.

X с'езд (март 1921 г.) принимает решения по целому ряду военных вопросов, и в том числе по вопросу о милиции, специальных частях, Красном флоте и о политаппарате Красной армии.

XI с'езд (март — апрель 1922 г.) дает программу мероприятий по вопросу «об укреплении Красной армии», указывая на необходимость «установления твердой численности армии», «установления твердого бюджета» и «решительного сокращения внешних нарядов».

Эти мероприятия намечаются «для установления правильного и отчетливого организационного, военного, учебного, воспитательного и хозяйственного режима в самой армии и для дальнейшего повышения ее боеспособности».

XII с'езд (апрель 1923 г.) останавливает внимание партии на целом ряде практических вопросов военного дела. С'езд указывает на «опасность новых попыток интервенции со стороны наиболее непримиримых элементов империалистического лагеря» и считает, что партия в целом «должна попрежнему уделять всемерное внимание материальным и культурным нуждам Красной армии и Красного флота».

XIII с'езд (май 1924 г.) одобряет военную реформу 1924 г.

XIV конференция обращает внимание парторганизаций на работу в территориальных частях, а ПУР'у предлагает провести «специальную работу» среди отпускников.

XIV партийный с'езд (декабрь 1925 г.) в уставе ВКП (б) принимает специальный раздел XII, посвященный парторганизациям в Красной армии.

В этом разделе закреплена та реорганизация в партполитаппарате Красной армии, которая была проведена в течение 1924 и 1925 гг. Эта реорганизация в основном сводилась к консолидации партруководства внутри армии и установлению тесной связи армейских парторганизаций с партией и ее руководящими центральными и местными органами. В резолюции по отчету ЦК, XIV с'езд дал точную

оценку международных отношений и наметил основную линию политики партии.

XIV с ' е з д констатирует, что «относительная стабилизация» привела «к целой системе экономических и политических блоков».

«Эти блоки и договоры, — читаем мы в резолюции, — прикрываемые якобы пацифистской Лигой Наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают, по сути дела, не что иное, как расстановку сил для новой войны. Против этих блоков капиталистических государств под гегемонией Англо-Америки, сопровождаемых бешеным ростом вооружений и чреватых поэтому опасностью интервенции, вырастает сближение пролетариата передовых стран с пролетариатом СССР под лозунгом, прежде всего, борьбы за мир, борьбы против новых империалистических войн и вооруженных нападений на СССР».

«Учитывая эти обстоятельства», XIV с'езд и устанавливает следующие «основные положения», которыми должна определяться политика партии:

«а) укреплять всемерно союз пролетариата СССР, как базу мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными народами, держа курс на развитие и победу международной пролетарской революции;

б) вести политику мира, которая должна стоять в центре всей внешней политики правительства и определять все его основные выступления;

в) вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование;

г) готовить по возможности экономические резервы, могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей как на внутреннем, так и на внешнем рынке;

д) принимать все меры к укреплению обороноспособности страны и усилению мощи Красной армии и Красного флота, морского и воздушного» [1].

---

[1] XIV с'езд Российской Коммунистической партии (б). «Бюллетень» № 10, стр. 35—36.

Таким образом, на протяжении девяти лет после Октябрьской революции партия определяет основное направление в военном строительстве, не ослабляя своего общего руководства и в целом ряде отдельных практических военных и военно-политических мероприятий. Военный опыт нашей партии громаден. Она накапливала его на протяжении всей многолетней боевой истории своей.

Перед лицом международного обострения партия должна еще и еще раз усилить свое внимание к основным вопросам обороны страны.

—

ЧЕТЫРЕ РУБЕЖА

При подходе к Октябрю рабочий класс и наша партия имели две вооруженные опоры: во-первых, отряды Красной гвардии и, во-вторых, те солдатские массы, которые тогда уже были готовы к активной поддержке лозунга: «Вся власть советам».

Но отряды Красной гвардии были немногочисленны и часто не имели надлежащего боевого опыта, а громадные солдатские массы, скованные старой военной организацией, при переходе на сторону революции не могли сразу же получить ту степень организованности, сплоченности и дисциплинированности, которые столь необходимы для устойчивости этой новой революционной военной организации. И только победившая пролетарская революция, только рабочий класс, организованный в государство, имели все предпосылки для того, чтобы создать «новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса».

И *первым рубежом*, чеерз который прошло строительство социалистической армии советского государства, был переход от Красной гвардии к Красной армии. Но этот переход, как и сама организация отрядов Красной гвардии, был возможен только в силу того, что партия большевиков задолго до Февральской революции с громадным вниманием относилась к вопросам технической подготовки вооруженного восстания, а после Февральской революции немедленно же приступила к организации отрядов Красной гвардии, предтечами которых были наши подпольные боевые дружины периода революции 1905 года.

Та область партийной работы, которая может быть названа «военным делом» в партии до Октябрьской революции, сыграла свою определенную роль как в подходе к организации Красной гвардии, так и в определении линии работы партии в военном деле после Октябрьской революции.

В 1902 году Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию». В 1905 году III с'езд партии принимал решения: «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». А в 1906 году Ленин выдвигал лозунг: «Следует научиться воевать», и подчеркивал, что в «эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является воюющая партия».

Недавно вышел сборник материалов и документов: «Армия в первой революции», который дает детальную картину солдатских и матросских выступлений в период революции 1905 года. В предисловии к этому сборнику приведены три цифры, дающие ясное представление о нарастании революционного движения в армии и флоте. Эти три цифры следующие: число солдатских выступлений в апреле—июне 1905 года выражалось цифрой 2, в июле—сентябре их было уже 8, а в октябре—декабре—89. Ленин понимал громадное значение этого движения в отношении военно-технической стороны восстания, указывал, что из самого войска выходят «отряды революционной армии», и ставил перед ними такую задачу: «Дело таких отрядов—провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны».

Беря в общей сумме всю работу партии по военно-технической подготовке вооруженного восстания, можно отчетливо видеть, что по сути дела она охватывала и организацию вооруженных сил (боевые дружины, партийная милиция, выработка кадров руководителей

и т. д.), и технику вооруженных сил (снабжение оружием, транспорт оружия и отчасти даже производство оружия), и, наконец, тактику вооруженных сил (вооруженное восстание, партизанские выступления и т. д.).

Этот военный опыт партии сыграл определенную роль в деле организации вооруженных сил рабочего класса от февраля по октябрь 1917 года, а также имел свое крупное положительное значение в военном деле после октябрьского переворота.

Основной смысл перехода от Красной гвардии к Красной армии в том и заключался, что от вооруженных сил рабочего класса, ведущего прямую вооруженную борьбу за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, надо было перейти к организации вооруженных сил рабочего класса, уже выступавшего как государственная власть и поставленного перед новой задачей — создания Красной армии как орудия диктатуры пролетариата.

В 1918 году Совет Народных Комиссаров издает три декрета, кладущих начало организации Красной армии.

В первом декрете Совнарком постановляет «организовать новую армию под названием:

«Рабоче-крестьянская Красная армия» на следующих основаниях...».

Во втором декрете Совнарком учреждает при Комиссариате по военным делам «Всероссийскую коллегию по формированию рабочей и крестьянской Красной армии».

В третьем декрете Совнарком отпускает из средств государственного казначейства для организации Красной армии 20 миллионов рублей.

После этого, на протяжении ближайших месяцев, последовал целый ряд декретов и распоряжений, касающихся укомплектования новой армии как рядовым, так и командным составом.

VIII партийный с'езд в резолюции по военному вопросу указывал, что наступила эпоха «открытой гражданской войны» и что «победа пролетариата в этой гражданской войне неотвратимо ведет к установлению классового про-

летарского государства и классовой армии» (подчеркнуто мною. *А. Б.*):

Сначала армия организовывалась «на основе добровольчества», а затем она уже перешла «к обязательности». Этот переход стал возможен только после того, как прошла демобилизация старой армии и был создан новый военный аппарат в центре и на местах.

За этот период власть советов положила начало организации такой «новой армии», которая являлась классовой армией, т.-е. орудием диктатуры пролетариата.

Если просмотреть все статьи, речи и доклады Ленина по военным вопросам за этот период, то будет ясным, как протекал этот первоначальный период в организации Красной армии.

В марте 1918 года Ленин писал: «Армии нет, удержать ее невозможно, лучшее, что можно сделать, — скорее демобилизовать ее». В половине мая он уже утверждает на заседании ВЦИК: «Уже создается рабоче-крестьянская Красная армия». В июле Ленин констатирует, что рабочие и крестьяне уже поняли «необходимость взяться за оружие» и «научились сознанию необходимости управлять армией», и тут же добавляет: «Они добиваются того, что армия, созданная ими, заслужит в полной мере название социалистической». А в октябре 1918 года он уже указывает на то, что «Армия крепнет, закаляется в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно, — надо спешить с возведением самого здания».

И здесь мы имеем *второй рубеж*, чеерз который прошла свое строительство Красная армия, а именно, — переход от партизанских формирований к регулярной армии.

VIII с'езд указывал, что советское государство и партия вынуждены были «прибегнуть к принудительной повсеместной мобилизации определенных возрастов и к их ускоренному обучению и сплочению в казармах», при чем с'езд отмечал, что эта армия, «будучи классовой по своему социальному составу», «является не милиционной, а «постоянной», «регулярной» по методам формирования и обучения».

Громадное значение этого периода состоит в том, что в течение его мы выработали основы системы вооруженных сил советского государства. Эти основы VIII с'ездом нашей партии были записаны в нашу партийную программу.

Основы эти следующие: 1) Красная армия должна иметь «открыто классовый характер»; 2) необходимо укреплять «неразрывную связь вооруженной силы с организациями пролетариата и полупролетариата»; 3) «необходимо самое широкое обучение всех пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания соответственных предметов в школе»; 4) одной из важнейших задач является «подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям»; 5) необходимо «широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативному руководству военных специалистов, прошедших школу старой армии»; 6) «работа военного обучения и воспитания Красной армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения,—поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотверженных коммунистов на ряду с боевыми начальниками и создание в каждой части коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины», и 7) необходимо «сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класа».

И именно построение «новой армии» на этих основах и обеспечило то, что она в полной мере сохранила свое значение как орудие диктатуры пролетариата.

Третий рубеж, через который прошла в своем строительстве Красная армия за десять лет пролетарской диктатуры, это — переход от армии военного времени к армии мирного времени, т.-е. демобилизация армии.

Этот период был чрезвычайно труден для армии, ибо происходил в условиях хозяйственной разрухи и без планового руководства со стороны центрального военного органа.

Покойный Михаил Васильевич Фрунзе, характеризуя этот период, говорил, что «характерной чертой нынешнего состояния Красной армии является медленность темпа ее жизни», что «военный аппарат влачит довольно серое существование, еле справляясь с заботами и нуждами текущего дня», что «лениво и вяло шевелятся колеса военной машины и также лениво и вяло шевелится и современная военная мысль».

В своих статьях и речах, относящихся к тому времени, Фрунзе также указывает, что в центре не ведется никакой работы по части выработки единых взглядов по всем вопросам военного дела, что в центре ничего не делается в части переработки военных уставов, что имеется отрыв военного руководящего аппарата от армейских низов, что имеется подобный же отрыв от партийного руководства, и что в самом военном руководстве нет необходимого плана и системы.

Отсюда и вытекла необходимость принятия целого ряда мер, которые известны под наименованием военной реформы 1924 года.

Эта военная реформа и создает *четвертый рубеж* в строительстве Красной армии, который одновременно является не чем иным, как переходом от демобилизационной партизанщины к созданию системы вооруженных сил в мирных условиях. Эта система была создана целиком и полностью на тех принципиальных основах, которые были выработаны в годы гражданской войны.

В настоящее время в военном ведомстве уже не спорят по вопросу о выработке единых взглядов по всем проблемам военного дела, как то имело место в 1921 — 22 году, ибо этот вопрос в основном уже решен практически, ибо мы добились главного в установлении единства военных взглядов.

Наши новые военные уставы (Полевой устав, Боевой устав пехоты, Боевой устав конницы, Боевой устав артиллерии, Наставление по полевой службе штаба, Наставление по маневрам и т. д.) говорят о том, что мы о единстве взглядов не говорили, а, имея единство взглядов, мы

работаем в том направлении, чтобы пронизать ими все детали военного дела. Создана система территориальных дивизий. Двинуто вперед развитие воздушного флота. Морской флот занимает определенное место в нашей системе вооруженных сил. Боевая подготовка во всех своих отраслях имеет твердое основание и развивается совершенно нормальным ходом. И одновременно с этим Красная армия крепнет как орудие диктатуры пролетариата.

В майском приказе Революционного Военного Совета по вопросу об единоначалии мы читаем такую характеристику состояния Красной армии: «Имевшее место в Красной армии за последние два года повышение военно-политического уровня командного состава с одновременным увеличением среди него процента партийных командиров, сохранение и улучшение в рядах армии боевых кадров политсостава периода гражданской войны и быстрый рост военной партийной организации и комсомола свидетельствуют об укреплении Красной армии как орудия диктатуры рабочего класса».

За последние годы мы всесторонне укрепили то, что может быть названо «организующими силами» в Красной армии.

Наш командный состав, имея крепкную рабочую прослойку, имея отличную боевую школу, получил за последние годы дополнительную военную и военно-политическую учебу. Политический уровень нашего комсостава чрезвычайно вырос, а одновременно с этим выросла его роль в политработе и в партийной организации.

Наш политсостав сохраняет свое прежнее положение в системе вооруженных сил. В последние годы им проделана исключительная по своему размеру работа по укреплению военной парторганизации и ее большевистскому воспитанию. Политсостав и поныне сохраняет преобладающее влияние в партийном руководстве в Красной армии.

Наша партийная организация за последний период в строительстве Красной армии достигла большой численности, приобрела крепкую устойчивость и отличную большевистскую закалку. Под ее руководством растет и креп-

нет военный комсомол, который играет немалую роль в деле политической обработки Красной армии и флота.

И, наконец, за последние годы мы добились того, что консолидировали партийно-политическое руководство внутри Красной армии и укрепили связь военных партийно-политических органов с партией и ее руководством.

Тем самым мы добились того, что целиком и полностью обеспечили в Красной армии «руководящую политическую роль за рабочим классом в лице его авангарда — коммунистической партии».

Троцкистская оппозиция с исключительным усердием распространяет в настоящее время самые клеветнические измышления на Красную армию Советского государства. Эта клевета не коснется армии. Она ляжет позорным клеймом на зарвавшуюся антипартийную группку дезорганизаторов.

За десятилетие существования первого в мире пролетарского государства рабоче-крестьянская Красная армия создалась как классовая армия и ныне твердо стоит на своем посту как вооруженный страж диктатуры пролетариата.

—

